ПЯТЬ ТЕКСТОВ РАЗНЫХ СКОРОСТЕЙ

СЕРБСКИЙ МИЛОРАД ПАВЛОВИЧ

ПЯТЬ ТЕКСТОВ

ИНВЕКТИВА 5
ДОКЛАД О РАСКОЛЕ 8
СПИЧЕЧНАЯ СЛУЖБА 16
ЛОЖНАЯ СЮИТА 18
ПЕРСЕКВЕНЦИЯ 20
ПРЕДИСЛОВИЕ 20
(I) МИНЕРАЛИЗМ 22
(I’) 27
(II) ГОРЫ И ПОЛЯ 31
(III) СИНИЙ БЛОК 38
(IV) СОБОР ФЕРРАРСКИЙ 40
(V’) 42
(V) ЕЛОВЫЙ ЛЕС 43
(VI-VII) ШУМ РАКОВИНЫ 45
ПОСЛЕСЛОВИЕ 82

ШЕСТОЙ ТЕКСТ

НЕЗАКОНЧЕННАЯ СТАТЬЯ ПРО ВИТГЕНШТЕЙНА 85
О РАКОВИНЕ И ТРОИЦЕ 96

ПЯТЬ ТЕКСТОВ

ИНВЕКТИВА

Е.А.Г.

Разве ты не знаешь этот чуткий ресый цвет, чем дышит Китеж-град? Слышу я эту сладкую боль в суставах и всех подвижных, скрипучих точках, закоулках моего тела, тело моё есть град, строение ископаемых слов. Помнишь, как говорили ими громоздкие, тяжёлые создания, строения, чудища тёмных, сумрачных веков: речь их была топот и гул, слякоть, движение в жирном, смоляном веществе – вокруг было столько шума, что в нагромождении всего жужжащего, мелкого, белого след оставлялся лишь неподъёмной механической литерой, промышленным прессом, ногой динозавра. Всё моё тело сложено из тех слов, слов без мяса и подвижных горящих глаз, слепых слов с маленькими жухлыми головками – плоть им есть один сухой и голый скелет: кости занимают слишком много места, оставляя слишком много пространства, спицы их концы, нет у них ручки, нет к ним верёвочки, ниточки, их не за что взять, они хрупки, хлипки, слабы. Эти слова – заклинания, древние имена, они сложны и труднопроизносимы, вид их – еж морской, неаккуратное их произношение обламывает чёрные длинные иглы, что впиваются в язык и застревают во рту говорящего. Как их тащить? Так их давно оставило время! Неудобные и ископаемые. Лежат в песке, есть песок, образуют неподвижное прошлое.

Разве ты не знаешь этот тонкий ресый цвет, чем дышит древний город Самарканд? Всё моё тело сбито из этих дремучих слов с клешнями и усиками, шестернями и гайками.

Тело тяжелее времени. И моё тело тяжелее времени. Из-за этого болит тело: тело намертво сцеплено с языком. Был бы язык змей воздушный – спокойный, бумажный, на привязи – речь наша, жизнь были бы сладкий сон. Добрая, мягкая вата и нежный молочный туман были бы наши занятия, наше учение – зефир, душа, яблочная пастила, облако. Напомню, однако, язык – лёгкого свечения птица фарфоровая (непрочный керамический свисток), с бабушкиного шкафа, с полки истории (там много забавных игрушек!) падающая на фаянсовую тарелку неба, что стоит на чёрном подносе космоса: долетит птица и разобьёт небо вдребезги, и будет пение ангелов – грохот, треск разбиения синицы-ласточки.

Научись говорить медленно: так выпускается пар из продувочных кранов чёрного локомотива, так пускают больную кровь, особенные мертвые люди по пропускам покидают бедную нашу планету. Не думай, что части твоего тела и различные явления положены случайно, но не ищи в них особого порядка и чистой музыки: наш Господин, по имени к которому столь боялся случайно обратиться иудей, не настраивал ничего кроме имён-инструментов. Наивно думали цари-батюшки, государи в порфирах-багряницах, некоторые актрисы театра, балета и первые русские академики, будто тело устроено божественным провидением. Надеялись, плакали, что Господин (без лица, без фигуры, без бороды, пусть одной сыростью ночи масса) играет их телом-скрипкой прекрасное всех своих драгоценных язв-глубин, пропастей, впадин мяса да сала мыслей даже, конечно, дум, сомнений, мук по поводу природы всего под руку и наскоро сотворённого им, проданного, доверенного и поставленного: нет, знаем, было оно не так, этот творец не ответственен за связь фраз-словес в нашем теле, а я, к сожалению, не его струна. Как и ты, как и всякий прочий.

Ты знаешь, сколько стоят прописные узорные буквы, как хитрые и лукавые экономят их для географических открытий и эпитафий, некрологов, посвящений? И мешает, и пьёт мою густую кровь лукавый, он крадёт слова и даже буквы, и наряд букв, и облачение звуков, ночью приходит ко мне крылатый, бархатный, летучий, красивый и включает свет, волосы мне расчёсывает. Он отбирает силы говорить строго. Шепчет, что отсутствие строгости компенсируется последовательностью.

Мой господин почти не ел хлеба, ведь он очень черствый и сухой, а сам господин внутри нежен, как нежны память и доброе утро, мы видим эту сдобу, ты знаешь, как землю-почву под нами: господин разломил, преломил в мертвой всепланетной пустоте хлеб, и крошки от хлеба – наши слова. На самом деле хлеб этот – божества здоровый и сладкий сон, именно поэтому нам так неудобно всегда спать на крошках: в одной кровати спит либо человек, либо бог, в одной постели спит один сон одной матери, одного молока. При жизни мы ходим по крошкам, и под зданиями, городами лежит сборище крошек, грязь-земля; город – моё тело, мы ходим в теле, я хожу в моём теле, что болит, боль – эхо пения ангелов в роще берёзовой в луже под деревом, в светло-синей тарелке. Когда мы умираем, и нас кладут в землю, пусть, под деревом, мы уходим в эту дивную страну сухих крошек, заклинаний, прошлого – сами мы становимся крошками, песком. И тогда действительно бог (чистый, чуткий, сложный, сильный, необходимый,

неизбежный) играет на нас как на кларнете или флейте: царство божие выглядит тогда как бог-облако-игольница с иголками-людьми-дудками, сырость трескучая и шумный сон в колючей сырости. Из дудок звук – свист падения на небо синицы-ласточки.

Святой дух есть камертон, коим божество настраивает каждый свой инструмент, что есть слово, хлебная крошка и мёртвый человек одновременно: произнося слова, ты лишь ощупываешь их, взвешиваешь и, конечно, не узнаешь в лицо, плетью погоняешь язык, что тянет тело-телегу, в ней лежат части уже сгинувшего, разложившегося тебя – божество уже играет на мёртвом тебе. Ты – это тысяча дудок, на которых будет играть божество. Тело – это телега, в которой божество (дремучее, ветхозаветное) тысячью дудок играет на мёртвом тебе. Просто ты, возница, этого не видишь, так как только смотришь вперёд телеги, язык плетью бьёшь и поёшь дорожную песенку. Думаешь, слышишь топот коня, что везёт телегу твою? Отбиваешь пальцами иногда какой-нибудь ритм, узор неосознанно в сумраке вечером, думаешь, это из-под пальцев твоих тут-тук-тук? Устыдись – это божество играет на тысяче иерихонских труб свист синицы-ласточки за твой спиной.

Конь тяжелее смерти. И конь тяжелее молчания. И твой язык тяжелее смерти, твой язык-конь – деревянная игрушка. Раскачаешь, разгонишь, разыграешься, на бок завалится, на бок завалишься – встанет телега. И тогда обернёшься, а сзади тебя божество тысячью дудок играет на мёртвом тебе свой сладкий и здоровый сон. Это – твоя смерть.

Господин настроил миллиард имён-видений и пустил их в мир свистом, градом, разломив молнией землю-хлеб, дабы я стал его струной. И ты станешь его струной, и всякий прочий станет его барабаном-сердцем, животом-тарелкой, телом-скрипкой, его струной. Он ждёт нас, он при нас. Смерть – его способ познания мира. И твоя смерть – его способ познания мира.

Попробуй говорить справа налево, как это делали важные еврейские книжники. Ешь кашу и следи за своим здоровьем, пожалуйста.

18–24 января 2024 г.

ДОКЛАД О РАСКОЛЕ

I.

Так как фактологический строй событий раскола известен и изложен [нет, не по этой пр., но факт. стр. соб. р. нам действительно не нужен сам по себе], я вижу своею задачей изображение глубины и объёма этого сюжета, в общем-то, я предлагаю поэтически его осмыслить – историю же эту я нахожу именно что фундаментальной. Я именно что настаиваю, что распад единства Православной Церкви[1] явил (конечно, в очередной раз) те или иные вопросы, не просто даже сейчас нам доступные, но именно что доступные всегда, везде; в общем, в людях этих горящих и пылающих действительность себя очерчивала.

Я буду непоследователен.

<далее непоследовательно, с обширными ремарками излагаю фактический строй событий; толку мало, и есть одна замятня>

… «В общем-то, это нам необходимо для понимания масштаба. Ну то есть даже не частных лиц преследуют, нет, проводятся целые военные операции – с орудиями, с пушками семь лет осаждали Соловецкий монастырь; около 400 убитых (по старообрядческим источникам так три тысячи монахов сгинули). Знаете, и вот картина-то даже {не позволю себе сказать так, слово неправильное/ говорит} фантасмагорическая выходит: сам патриарх Никон в Соловецком монастыре монахом был, а теперь его <монастырь> из пушек воевода Мещеринов расстреливает. Этот воевода (большой библиофил, собиратель книг – двести соловецких книг себе прибрал, да!), опять же, сам и стал после первым ссыльным на Соловках после учинённого им разгрома (за злоупотребления) …»

«Знаете, и вот то, что им языки урезали, вырезали тоже очень характерно. Вообще, образы тут сошлись. Ну вот это библейский образ: язык – жало. И вот у Никона (вот список старообрядческий) змея на шее во время службы сидит и говорит, это ещё до Патриаршества, это ещё Елизар видел, когда Никон монахом был на Соловках, и у Никона язык цел – посмотрите. Вот это очень интересно – человек во тьме, и свете, и красках, и человек – тень, пятно, и из всего этого выходит язык-стрелка, да, именно часовая стрелка. Вот такой он механический и прямой этот язык, и мелется; вот у Пушкина:

[1] Сочетание заглавных букв и утверждения о распаде свидетельствует о неаккуратности.

“…и жало мудрыя змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой”. Да!
А у всех пустозёрских старцев, не считая Аввакума, языки подсечены. Чуть ли не четверть, наверное, жития инока Епифания – переживание собственного безъязычия (и возможности человеческого безъязычия, в общем, речь тут, конечно, вовсе не только о потере органа). Смотрите, вот ему даже сон снится: “… И дивлюся величию и красоте поля того, и вижу: о левую страну меня на воздухе лежат два языка, московский и пустоозерской, мало повыше мене <подрезали и.Е. язык дважды>; московский не само красе, но бледноват, а пустозерской зело краснешенек. Аз же, грешный, простер руку мою левую, и взем рукою моею со воздуха пустоозерской мой красной язык, и положил его на правую мою руку, и зрю на него прилежно. Он же на руке моей *ворошится живешенек*. …”
И весь раскол – такое удивительное схождение образов. Понимаете, вот Никон – это часы с маятником, и вот его язык – и маятник, и часовая стрелка; вот его огромное тело (известно, что Алексей Михайлович при первом знакомстве с Никоном был поражен одинаково и его “великоречением”, и его статностью; Никон – башня), всё его огромное тело с патриаршим клобуком – шкаф-часы. Может показаться, что Никон отсчитывает время истории; нет, патриарх только… <что? Загадка. Патриарх – метроном для своей сердечной работы? Нет, он часы. – д/з>»
Так говорю, и давлюсь, и мямлю.
«И вот Никон, конечно, хотел стать православным Папой. И имел Никон титул “великого государя”, и говорил: “Патриаршество выше царства”, и построил монастырский комплекс Новый Иерусалим, где воссоздал известные топонимы: Голгофу, Вифлеем, Иордан – когда амбиции патриарха перейдут границы, а царь Алексей Михайлович (царь-буква-царь – мерный, покойный, тихий, плывущий и главный, и знающий), ранее с Никоном, другом своим духовным, говоривший каждый день, от Никона откажется, и пресечет амбиции Никона, и Никона вообще решат изничтожить, вот тогда на соборе “патриаршего низвержения” ему же эти Новый Иерусалим, речку Иордан вспомнят, и будут за это судить как осквернителя.
Да! И вот Никон хотел Русскую церковь сделать Вселенской церковью, государством-церковью, и это примечательно, и это все знают…»
«Слушайте! Я против опошления. История, про которую я говорю, есть сложная история; её даже фактический строй перевирают, я же и вовсе хочу её, эту историю, одолеть поэтически».
«Главное препятствие к видению – представление раскола как конфликта

между архаикой и преобразованием; мол, старообрядцы были против вообще каких-либо реформ. Эта вопиющая неправда: достаточно просто вспомнить, что главный идеолог старообрядчества огнепальный поп Аввакум изначально сам входил в так называемый кружок “ревнителей благочестия”, сложившийся вокруг духовника Алексея Михайловича. Да! В одном кружке были эти московский интеллектуалы: Логгин, Неронов, Аввакум, Никон и прочие. И сам Аввакум Никона предлагал в качестве кандидатуры патриарха (суть, конечно, что Никон патриархом стал как царский друг духовный, но всё же, но всё же).

Замечу, что я тут рассматриваю генезис раскола и, быть может, некоторые дальнейшие процессы в той степени, в какой это позволяет генезис понять; дальнейшее бытование национальной, религиозной катастрофы, точнее, сущность этого бытования мною не рассматриваема. То есть процесс есть, а положения человека в дальнейшем процессе тут уже за скобками: понятно, что подавляющее число старообрядцев второго, третьего и прочих поколений часто воспринимали себя как защитников конкретной обрядности; точнее, видели условием служения истинной вере, пребывания в вере защиту тех или иных обрядов, и мыслили эти обряды как исконные и т.д.

Ну так вот, в рамках изначального конфликта при том, что спор был за обряд, обряд мыслился гвоздём. И если Аввакум защищал обряд, то делал это в той мере, в какой мог гвоздем удержать тьму (число – тьма), тьму-число <пропущено>.

И сам Аввакум ратовал за реформы; он, к примеру, возвращал [на местах] одноголосие, что многократно увеличивало время службы (то есть читали не все вместе и одновременно, а по порядку – и слово было прямо, и слово было более звука[2]). Именно!

Давайте опять смотреть на внешнее, нам приходится смотреть на внешнее. Я вот такую мысль пытаюсь донести, что раскол суть есть противостояние проекта Вселенской церкви (церкви-мира-государства) и национальной утопии. Вот и у Никона, и у Аввакума Москва – третий (Третий) Рим, но у Никона-то Москва должна, как наследница Византии, будучи Вселенской церковью (Рим же есть формация вне времени и пространства, да?), перенимать и византийский панцирь. А у Аввакума Москва – Третий Рим, и ничего не должна принимать, она самодостаточна, она есть продолжение Святой Руси и т.д.

<напомню, на тот момент Константинополь уже давно захвачен турками, Византийская Церковь – виртуальная церковь, в общем, сервер; ещё и есть

[2] Нараспев.

всякие грязные, некрасивые моменты вроде бывшей унии с католиками и т.д.…>

В общем, мы имеем два пакета реформ, суть. И один – национальный проект, проект национального быта (Аввакум), другой – проект мирового языка, освоения времени и пространства. Вот как!

И знаете, вот это даже сравнительным анализом вполне доказывается, ну то есть достаточно посмотреть вокруг; вот давайте на Реформацию посмотрим, да, вот давайте посмотрим на Гуситские войны, на Яна Гуса. И вот мне же понятно, что тут причинно-следственной связи нет, нет, я предлагаю смотреть на структуру исключительно. И да, мне также понятно, что истории эти разно (“розно”) кончились, разно (“розно”) протекли, что у старообрядцев не было таких противостояний открытый со властию, что не было “аввакумских войн”. Но не суть.

И сразу напрашиваются аналогии! Два века разницы. Смотрите, вот и там, и там большая масса преследуемых, оппозиция – крестьянские массы; моя модель – раскол как противостояние сектора сельского хозяйства буржуазным реформам. Вот и у гуситов, и у раскольников есть острые эсхатологические настроения, и у гуситов Папа Римский – Антихрист, и у раскольников Патриарх – Антихрист. И те, и те ратуют за возращение к истокам веры и религии, и обвиняют противоположную сторону в искажении заветов. И Аввакума, и Яна Гуса сжигают. И при том, смотрите, и гуситы ратуют за национальное чешское государство, и вот (вот он, интересный момент) раскольники защищают “исконную русскую обрядность”. Видите?!

И вот как бы получается парадоксальная ситуация: гуситы борются за чешский национальный проект против римского Папы, старообрядцы борются за русский национальный проект против русского Патриарха.

<см. история России как история континентальной империи, Р. – колония и метрополия самой себя.>»

Это всё про поверхностные замечания; внешнее….

II.

Сердцевина раскола – вопрос обрядности.

Я должен оговориться, я оговариваюсь, что все дальнейшие построения мои – не из костей здания; я далее буду приводить схемки, я буду описывать свойства, но эти схемки и описания – лишь черчения, ограничения, прояснения определённых сознаний, сознания, рода сознания (религиозного и не только религиозного). Я не имею компетенции, я <…> не говорю, как положено и устроено, это <…> всё не есть богословские построения. Мои схемы и описания – гвозди, я вот тут вам рисую, я сейчас вам объясняю, что

непонятно, как делать табуретки, что вопросы раскола – это вопросы практические, необходимые, инженерные. Понимаете? И я это пытаюсь хотя бы поэтически передать.
Вот смотрите, вот говорят, что, мол, совершенно понятно, как видит обрядность Никон, как видит Аввакум; мол, у одного она значения не имеет, у другого имеет, и всё на этом, и черт с этим. Нет! Это ведь есть слепота, это ведь есть невидение двухконечного и сложного религиозного сознания (амбивалентного).
Ну то есть, конечно, Никон не придаёт обрядности вероучительной роли, он делает это искренне; это есть “явное место”. Прошу заметить, повторяюсь, я тут лишь обрисовываю сердечное видение этих вопрошающих и говорящих лиц, вводимыми мною тут категориями они, вероятно, нет, я практически уверен, не мыслили – эти категории (категории очерчивающие), однако, в их “сердечной работе”{/герцверк} лежали. Да!
Ну ведь смотрите, Никон ведь и ценность обряду придаёт, когда начинает их, обряды, править. Ну то есть, не имели бы обряды ценности, то и править их не было бы нужно: нет, править их нужно, нужно сочленять слова в языке. Да, у Никона обряды – слова-гвозди на вселенском языке, и ценность они имеют как слова, но ценность имеют; Никон обязан править.
И момент этот тёмный, и сразу показывает: нет, дело тут не в придании или непридании ценности, не в силе и искренности веры; речь идёт о принципиально разных моделях мира.

Я тут имею пару замечаний относительно поэтики, онтологии обрядности. Замечания эти совершенно элементарные, но они нам необходимы:
1. Обряд есть человеческое действие (обряд не может быть сам в себе, человек обязан в нём участвовать, и тут воля человеческая).
2. Обряд надчеловечен.
3. Обряд в той или иной форме является необходимым (но вовсе не достаточным) условием спасения.
Я тут говорю *общный обряд*; про обряд Церкви. Если Церковь хранит и воплощает некоторую обрядность, то делает она это с этими минимальными установками.
<далее про Bedeutung und Sinn und Zeichen>
<…> <…>
<что это у вас тут? Верните, пожалуйста…> <поправляет очки>
<…>
<…сил и усилий, я сознал, не хватило бы…>
<…>

<…>
<!..>

И вот для Аввакума крайне важно понятие быта; точнее, быт для Аввакума – *разрешающая категория*; мир не воспринимаем, если этой категории нет. Ну вот смотрите, действительно же проблема. В Никон-модели обряд имеет ценность исключительно как слово в языке, и ничего кроме языка не существует (см. выше); тогда возникает вопрос, и вопрос этот совершенно адекватный, почему мы имеем именно таковые обряды, почему именно так правим слова.
В общем, если язык (язык, повторюсь, есть Вселенская Церковь, церковь – мир, мир – государство, государство – церковь) тотален, если третий Рим, Рим вообще стоит вне времени и пространства, над всем и есть всё, и нельзя ничего сказать про Рим, про то, где лежит сущность Рима, где лежит сущность языка. И это беда и фундаментальная проблема; можно иметь проблемы и с тем, чтобы по прямой ходить, если не разуметь, что делать, что вводить. Это очень важно!
И вот Аввакум пытается где-то эту сущность положить, куда-то эту сущность положить; ему быт как категория (категория онтологическая, тут всё очень серьёзно; мы говорим про структуру мира) нужен именно как *место языка*. И когда Аввакум ратует за Святую Русь, за исконную обрядность, он лишь хочет сказать: обряд выражает быт и обозначает спасение (“включает человека в спасение”), и быт являет спасение. И если это не работает, если это так не устроено, то человек и спастись не может, человек замкнут в мире и заключен; вечно он будет, грешный и отяжелевший, пребывать в царстве Антихриста.
Вот это самый важный момент. А у Никона такой треугольник (быт-спасение-обряд) построить, конечно, невозможно, потому что вселенская церковь – тотальный язык и мир. Суть, церковь – мироздание и как мироздание неизобразима извне; быту тут места нет.

Всё это, конечно, порождает соответствующие {хочется сказать, символьные системы, но это заумь, это глубоко грешно…} тексты, построения.
Вот удивительный памятник древнерусской литературы – “Житие протопопа Аввакума”.
«Нет, я вам очень всем советую прочитать, книга эта удивительная – книга тонкая, девяносто страниц книга, читается она за вечер, так ведь безумно интересная вещь… <и далее, и далее перечисление достоинств, и рассуждения, и места нет, и времени…>»

И вот текст этот удивительный (житие-автобиография; это ведь нонсенс: житие святого пишет сам живой святой); в нём, суть, сходятся исповедь, проповедь, лубковая зарисовка и много чего прочего. И вот этот исповедальный мотив очень важен.
Почему? Исповедь – добровольное признание собственных грехов и раскаяние в таковых. И притом исповедь – изображение собственной веры как единственного и неизбежного способа спасения; действительно, в том-то и дело (это очень важно!), что обряд обрядом защитить невозможно – так слово невозможно защитить словом. Язык можно защитить, только явив быт, и всякая исповедь (исповедь настоящая, именно в указанном мною смысле) – явление быта. Исповедь выходит за пределы того изложения, где всякое – следствие или возможное следствие (корень спрятан, вынесен); нет, в исповеди явлено уже не необходимое, а неизбежное.
То, что доказать невозможно, мало того, даже поместить в слово невозможно, что, суть, есть плоть, что невозможно сформулировать, то и является исповедью. Понимаете?! Нет, это же удивительно: протопоп Аввакум, являя свой дух и своё пространство духа, землю духа, рождает быт как категорию, защищает быт как категорию и, суть, сохраняет природу мира – Аввакум пишет исповедь, и затем мир есть, и мы с вами говорим (в самом прямом физическом смысле).
И вот произведения-исповеди появляются в очень важный момент в культуре; тут и исповедь Руссо, и исповедь Толстого, и, что наиболее важно, “Исповедь” Августина. Замечу, Августин – один из Отцов Церкви…<далее много по Августина, про исповедь…>… И нам очень важна работа Августина “О Троице”, и вот Святой Дух также нельзя словом защитить, можно только исповедоваться…[???] <…>
Я возвращаюсь к Яну Гусу, к национальному проекту. И вот есть такое примечательное свойство “Жития протопопа Аввакума”: оно пусть и написано на церковнославянском языке, но очень часто переходит на русский народный того времени; суть, “Житие протопопа Аввакума” – один из первых литературный памятников, дошедший до нас и воспринимаем нами, написанный на русском языке. И это очень важно! Осип Эмильевич Мандельштам в XX веке скажет: “Поэзия – сознание собственной правоты”. И ещё: “Акмеизм – тоска по мировой культуре”. <…далее техническое связки, построения…>.
И вот таким образом исповедь как явление духа есть и исток культуры, исток определённого культурного сознания (так и Августин, суть, подвёл рубеж античной литературе, и пустил кровь литераторе европейской). И известно,

конечно, что Тургенев, что Пушкин не читали Аввакума; Аввакум ходил в списках вплоть до конца XIX века, но мы же с вами говорим про культурное сознание вообще, я говорю про культурное сознание вообще, а не только про некоторую литературную традицию.

И вот Аввакум, исповедуясь, рождает наше с вами сознание. И суть раскола в том и была, что старообрядцы ратовали не за какую-то исконность и эфемерную древность, нет, они были против произвольности исправления, произвольности правки обрядов и книг. И это, конечно, бунт против частного, против произвольного – великое явление духа, большая поэзия, и именно его, это большое явление духа, я и пытался очертить и как-то обозначить, как-то передать эту сложную вещь, поэзией поэзию одолев.

<>

26 октября 2024 г.

СПИЧЕЧНАЯ СЛУЖБА

Одноактная, для кабаре.

И вот с пасхи снят спичечный крест – это крест Христов [комм.: на творожной пасхе был поставлен крест, составленный из двух скрепленных творогом спичек]; и как тело Христово снимается, так и снимается крест и делается без скрепления творогом, то есть разбирается на две спички.
Эти две спички – две природы Христовы, божественная и человеческая. Что такое это скрепление спичек-перекладин? – Это крестовина Христова креста, сердцевина <инструмента страдания и…>; схождение человеческой и божественной его природ, то есть соединение этих природ (соединение, установленное Халкидонским Собором) – личность Богочеловека Христа, и схождением этих природ искупление первородного греха человеческого, и спасение душ всех наших, грешных и тленных.
Раньше творогом держался крест! Это Сын Человеческий был с нами (“Праздник, который всегда с тобой” [Мф 9:15]) – им, живым, держался животворящий (ибо искупительный) крест его, мертвого, и мы были с ним, и оставили его, и видели его крестный путь, и ныне бредем к нему.
Мертвый же, искупивший на кресте грех человеческий страданиями человеческими и давший право страданиям человеческим Божьей страстью Христос складывается; мы убираем творог, и раскладываем крест в тело Спасителя во гробу. И как Спаситель лежал во гробу, и спустился как человек в утробу геенны огненной, будучи во гробу, и сокрушил врата ада, так и лежат две эти спички – Христос во гробу.
И воскрес Христос, и явился ученикам своим, и говорил с ними, и вознесся. Так поджигаем мы третьей спичкой две спички, лежавшие телом Христовым, –это Христос возносится, и божественным пламенем восседает на небесах Троица: Отец, Сын и Святой Дух; пламя третьей спички, подносимой нами – Святой Дух; три огня горящих спичек – Троица.{см. зам.-2}
Обгоревшие же три спички – апостолы Петр, Иоанн и Павел, и третья спичка, присоединившаяся после – Савл Тарсянин, наименьший из апостолов.
Так мы остаемся с этими обгоревшими спичками – Церковью, и выбрасываем эти три спички, как были преданы миру апостолы, и как Церковь взошла в мир.
Аминь.

Послеслужебные замечания – скомканный творог.

1.
<[Мы не имели формы, то есть не имели пасочницы, и затем пасха была собрана из двух контейнеров, то есть пасха творожная была творожным зиккуратом, а ведь пасха символизирует гроб Христов, и я, грешный, богохульствовал, говоря: “Слава зиккурату! Ой…, то есть Христос воскресе!”. А ведь все просто: мы не имели формы, ибо ещё не было воскресения Христова; затем мы строили языческую гробницу – эта гробница есть гробница всего языческого мира, темного, полного подземных правителей, преходящего. На вершине нашей творожной пасхи стоит крест – мир языческий – почва Христова креста, ибо высшая суть языческого мира – быть земельной почвой и гробом Христовым.
Голгофа – не высшая из высот Иерусалима, она есть лобное место, холм; Сын Человеческий делает небольшой холм высшей точкой.
И мы съедаем творожную пасху, пожирая не тело, но землю.]>
2.<
Или так куда вернее уразуметь: третья спичка и есть Христос: как мы увидим пламя и Отца, и Духа без Христа? И что было последним, то становится первым: Слово, вначале бывшее, сообщает пламя лежащему.
Ошибся я, заплутал в тяжком своем непонимании Святого Духа, ибо не разумею течения времени.

Господи, помилуй!
Господи, помилуй!
Господи, помилуй!
>

24 апреля 2025 г.

ЛОЖНАЯ СЮИТА

Посвящается пшенице

I.
Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей[3].
II.
0. Маска — это Москва.
1. Когда я говорю "Поразительно! Поразительно!", я имею ввиду, что всё это несёт нам смерть.
2. Господи, все смешалось в одну кучу. Ивановщина — рыбий омут.
Монашеский чин — низший ангельский чин.
3. То есть видение противоречит видимому миру, и не ранее видимому, а вообще видимому — невидимое видение истинно, а все видимое ложно.
Только видение — истина.
4. То есть откровение есть рождение повелительности (императивности) от матери-картины; поэзия есть союз этики и эстетики (и их плоть, их оправдание)...
Смерть — предмет этический, а не метафизический. И эстетический.
Представление смерти было и есть одно — распад дуги, и г. Бальмонт наилучшим образом это описал в "Я узнал, как ловить уходящие тени, уходящие тени потускневшего дня..." — лирический герой, поднимаясь на башню, выходит в стратосферу. Смерть — это то, что происходит с горизонтом.
Ветхий Завет — не музыка, но повелительная музыка. И вот явился Христос, и мы говорим: да, это музыка, а наши слова — слова, Словом питаемые.
Вот так вот.
5. i. Лиза улетела в Москву, живёт в коммунистической устрице.
ii. Теперь мы живем в разном времени, будто ты поселилась на Парнасе.
6. Господи, все смешалось в одну кучу. Ивановщина — рыбий омут.
К Блоку великому, разнородному, рассыпчатому. Маска — символьная система, имеющая направленность (выпуклость).

---

[3] Тютчев.

7. С матерью.

—...то есть то, что только есть, и никаких иных свойств не имеет.

—О, так это я!

8. К второй элегии.

Ангел не есть мертвый человек; ангел не имеет собственной сущности, а лишь проводит и созерцает сущность Божию. Так ангел имеет смерть как таковую, смерть вообще, когда человек имеет (знает или не знает) свою личную смерть.

Поэтому ангел ужасен.

9. Вот чай вот кружка

Преображение Господне,
19 августа 2025 г.

ПЕРСЕКВЕНЦИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный текст – попытка гуманного внедрения, то есть внедрения без воровства бумаги.

Его оправдывает, и он должен опытно разъяснить, наверное, только одно видение.

1. Крестные муки Христовы – наше спасение; иногда понимается так – Божественной любовью человек получил возможность спастись через Христа, что корректно. Но я видел: Христос, страдая на кресте, внёс в мир человеческую сущность, и человек есть в мире[4], потому что его осуществил Христос на кресте. Распятие Христа – явление человеческой сущности в мире.

И самое радикальное – моё воспоминание тут обращается в сумрак: я, моё воспринимающее сознание есть, потому что Он был распят.

2. Метафора есть осязание; мы трогаем колючую поверхность, наждачную бумагу, и чувствуем их вообще, не выделяя зерна; стоит иголкам стать больше, и мы нащупаем иглу.

Страшный суд; лиц стена – тех, кто спасётся и тех, кто попадёт в геенну огненную. И эти лица – поверхности шероховатость, та неровность структуры мира, что представляется осязательному ощущению непрерывной и неделимой.

Я не могу сказать, имею ли я тут ввиду, что Страшный суд – эта стена, или что Страшный суд – осязание этой стены; это нехудожественный предмет и неважный вопрос. Но мы осязаем стену – это Суд Божий.

Это второе явление субстанциональности.

Имеющий семь действительных частей, текст сам толкует себя – возможно, отпуская читателя, я могу ещё, сверху сообщить только следующее – дать узелочек с хлебом:

Первая часть – увертюра: весь текст в ней, и она во всём тексте.

Если бы мы пользовались ложной, путающей оптикой слоёв-плоскостей и вращений, то тогда бы I-V был бы заключён между VI и VII –

[4] Да не впадём в прелесть и гордыню тайнознания, и скажем тише: истинностно есть в мире, и даже так убоимся слов своих. Но я, имея риск перевернуться – перевернётся моя речь, как переворачивается, падает, перекатившись, солнце, всё же говорю, как я видел.

мы не имеем ориентации, и затем нет высшего и низшего слоя. Быть может, данная символическая формула поможет читателю.

(I) МИНЕРАЛИЗМ

Сердце – это минерал. Мы как бы путешествуем внутри сердца – природы мира. Минерализм падает на все остальное сочинение.

1.1
Описываю, как я пытался сделать А, Б, ..., и вообразить одну вещь, но случился разговор с первым, вторым...
—(Звучит, как будто играет в догонялки вещь, которая должная вообразиться).
—Я думаю, вещь, которая должна вообразиться, играет в догонялки с самой собой. Эта вещь — моё сердце.

1.2
Интервенция первая.

1.3
1. Медный Христос.
2. Ряд шпицрутенов — взлётная полоса.
3. *Луна входит во вращение. Луна — смерть?*
4. Моя любовь — ортогональная матрица.

1.4 Чехов; Чеховиана.
I. Доброй тебе золы ночи, как она сгорит; пусть ты сейчас успеешь все подготовить, подготовишься, и сдашь экзамен, как тебе нравится. А потом доброго сна, любимый человек и полукурильщик.
II. Я знаю; я ведь лишь к тому, что ты выкуриваешь ночь. Не в смысле, что ты ночь куришь (то есть ночь – вот эта женственная сигарета по Соловьеву, доброму христианину), а именно что выкуриваешь: ты выкуриваешь зверька из норы, и ночь бежит из глубины земли, из глубины земли.
Так ты полукурильщик, моя любимая; половина действия курения в "выкурении", а вторая половина в формулах Белого[5].

[5] Белый. Принцип формы в эстетике. – М.; СПб.: Т8 Издательские Технологии; Пальмира, 2024.

1.5
Помню, ты мне тогда на Новый год позвонил, говоришь: "Какие планы, конкретные планы?!". Я тебе и ответил, что начать писать роман про все то, о чем свеча горит.

1.6 Складень (боковая створка).
1. Подвигин — мейстерзингер**.**
2. "Это фортель" (с интонацией). Бирчетит — это фортель.

1.7 Складень (центральная и вторая боковая створки).
I.
2 апреля 1879 года народоволец Соловьев стреляет в императора во время его обычной утренней прогулки в окрестностях Зимнего дворца. Имевший военную подготовку, Александр II убегает зигзагом и так спасается.
Проходит срочный сбор Третьего отделения, где обсуждаются необходимые меры. В итоге, императора научили бегать быстрее и с меньшей амплитудой.
Александр II – великий реформатор нижних конечностей.
II.
1. Рок-н-ролл – это почти бездна.
2. Крылатка перелетает on the other side, падает в бездну; Александр II над бездной — его смерть – ошибка перевода.
3. Аналогия II. У утопающего свело ноги. И вот он должен успокоиться с полным сознанием того, что сейчас он тонет, что он утонет и задохнется, если не пройдут его ноги, и ноги не пройдут, если он не успокоится. Это и есть на самом деле вся поэтическая задача.
Александр II утопает.

1.8
1. Живительный смысл – линейные полки. / *Закат был довольно забываем.*
2. Ряд шпицрутенов — взлётная полоса…

1.9 *Минеральная моя любовь — ортогональная матрица*.
I.
1. Мое тело принадлежит задаче. То есть тело моё – часть задачи.
2. Меня пожалеет уральский хребет.
II.
Время перед антивременем. Едино уставшие с поправкой на время, едино

уставшие в вечности; время вечности, божественное время.
III.

Сёстры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы…
Мандельштам.

1. Я ведь понимаю, что ты разделяешь мои страдания, и переживаешь их со мной. И я понимаю, что тебе тяжело выносить мир, и я очень ценю, что ты пытаешься мир этот переживать, и переживаешь мои болезни. И я понимаю, что мои страдания (именно страдания, а не случайные мои расстройства и горечи) есть твои страдания, и мы терпим одну тяжесть. И я причиняю тебе боль, когда мои обращения к тебе лишаются памяти об этой твоей тяжести и твоей нежности. Прости меня, пожалуйста, за эти отпадения и помутнения; это ведь слепота рук и сердца, а не рассудка.
И мне не более тяжко говорить в мир, чем тебе. И пока ты идёшь и переживаешь, и пытаешься переживать, нам едино трудно, и мы с поправкой на время, которого нет, едино уставши; я имею ввиду, что мы для Бога едино уставшие, и едино уставшие в вечности.
Но мне сейчас тяжело, я истощен; у меня ведь недостаточно времени осталось, и время мое меряется не днями, а вниманием.
2. Мне горько из-за А – это не есть трудно, пусть я бы и не хотел этим заниматься. Но сколько же мне это обойдётся по моему "времени перед антивременем"! И я ведь знаю, что мне от этого будет плохо, что я буду опять отпадать и отдаляться; из-за этого мне и горько.
IV.
1. Я не ограничен моим телом, у меня много пальцев и ног.
2. (Пузо. Держи ребра.)

1.10 Разум звуков (голодные духи).
1. "Это светлая печаль, смешанная с песком огорчения о конкретных человеческих слабостях".
2. Саловат говорит общие слова про общее бессилие.
3. Скованность – сложение сознанной безжизненности слов и необходимости говорить.
Или не слов безжизненности, а речи; и я, потерявший всякую четкость, -- Джим Моррисон.
4. Мёртвая речь – горождение заборчиков.
5. Утверждается, что спасение от скованности – разум звуков, общение с предками. / Саловат перебирает четки из косточек фиников.
6. Ограда поёт о граде, желая замкнуться.

7. Саловат приготовил плов. Пишет матери.
—Я ем плов с Милорадом.
—Что такое Милорад?

1.11 Голодные духи.

Время срезает меня, как монету…
Мандельштам.

I.
1. Я переживаю себя, как монета, и время срезает меня.
2. Я переживаю себя, как подкова.
3. Как слово, я переживаю себя.
II.
Ночь, пропитанная багром и светящаяся им. Каждый её кусочек сочится им, и тьма "светится" им – кровью.
(Мировая ночь. И хочется сказать по-немецки die Weltnacht.)
III.
Я недавно видел жуткую картину. Как бы из-под земли исходит голос во тьме: это предметы отходят со своих мест, замкнувшись и не двигаясь, и голос летит и говорит.
И вот сидят какие-то люди в какой-то комнате, я почему-то себе представляю себе Гребенщикова — но это я сейчас представляю; там же у меня были люди вообще, человечество.
И голос доносит с абсолютной ясностью, что вообще ничего последние полсотни лет не было, что вообще все это будет забыто, затоптано и низвергнуто в небытие.
Я даже подавился.
IV.
1. Крючки-лучи.
2. *В общем-то, ресый цвет – сияние языческого божества (голодного духа).*

1.12 Дровосеки.
I.
1. Три дня никто не говорит с лесорубом-модернистом; баня, щепа.
2. Копья. Сучья рубят, сучья летят как ракеты[6].
II.
1. Трибунал лесорубов расположен в стволе, в сердцевине дерева (в минеральной цветной середине!).

[6] Судя по всему, “Зачем снятся сны”.

2. Дерево падает, и слышен треск.
3. Дионис-Дендрит. /Острая корона лесного царя.
III.
1. Дятел всегда стучит на верхушке дерева.
2. Личинки в дереве живут сверху.
3. Разум не красен, а розов. У дятла красное брюшко.

1.13
1. Враждебные плоскости ложно вращаются.
2. Слоённое пространство имеет зелёный цвет – цвет рыбьего тела.
4. Малое и большое. / Экранирование → проблема текстуры. / Монеты, нагрудный крест малый, символ веры. / Приветствие.
5. Симфоническая форма – гуманное внедрение.
6. Воровство бумаги / Щиты.

1.14
Жениться на пшенице.

1.15
Я не замёрзну, моё сердце греет бирчетит.

(I’)

Архитектонический абрис.

Кц-1. Сотворение мира – истощение мифа.
см.: Ветхий Завет. жертва плоти
ап. счёт, досчитывание, сосчитывание
бп. логистика, логистическая задача
вп. проблема перевода [смерть – ошибка перевода]

Кц-2. Муза; валькирия.
см.: жертвенность как таковая, язычество+…
ап. чертёж, строительство по чертежу.
бп. i. убийство (и изнасилование трупа)
ii. предательство Христа.

Кц-3. Ит. Высокое отвращение. Новый завет.
а) логосоцентризм и уход от него… *б)* тема опошления святости, вдохновения, Церкви; *в)* разночинский мотив.

Доб. Кц-4. Благая весть. Обрезанная.
а) муки плоти, жертва духа; *б)* псы, псоглавцы, черви.
доп. *в)* маленький “турецкий” мотив: дервиш, пророк…

азвен) Аракчеевщина, шагистика ←бп:кц-1
бзвен) вальсы, марши ←ап:кц-1
взвен) отрубание пальца [ДАСИЧ – инт. см.] ←ап:кц-1
гзвен) нагота, нагота женская ←бп:кц-1 ∧ ап:кц-2
дзвен) строительство города и его разрушение.
важно: город не есть мир, город меньше.
←телесность, плотность: (кц-1:вп)+(кц-2→гзвен)
езвен) взгляд человеческий – дуга-функция
←(ап:кц-2)=>(кц-4:та)
ёзвен) астроинженерные сооружения: радиус кривизны, прозаическая и поэтическая речи; планета и колесо. Дуга-функция.
←(кц-1) ≈+ ист. езвен)
жзвен) тема полёта валькирии, вращения, сотворяющего мир <рисунок вращения>:←кц-2.
ззвен) непротиворечивость света, луча. ←(к е/ёзвен)
см. “Храм Аполлона в Дельфах”, ЛФТ.
извен) звуковая волна, волны сплетаются в бич; волны в сплошном веществе, безъязыкость. ←(кц-4:тв)+(кц-3:та)
йзвен) пророк и волны; джихад машин, речь убивает (пророка). ←(кц-

4:тв)+(кц-2:бп)+(кц-1).
кзвен) ряска времени; каждое событие расходится волнами.←(и/йзвен) (…→) (кц-1:вп)+(дзвен):
kзвен-i) рыбки щиплют воду, кусают пальцы ←взвен)
kзвен-ii) рыбы плывут по небу. Дерижаблей ход, слава.→дзвен)
лзвен) паук-творец на серебряной нитке слушает музыку водяных сфер – высокую инженерную сюиту. Водяной паук-серебрянка. → (кц-1),(кц-2) (лзвен)←(кзвен)
мзвен) сон – взгляд человеческий наизнанку. Кит. ←езвен), кзвен)
нзвен) Дар пожирающий – идол. Явление античного мифоборца. Contra инженера, переводчика. честность искусства. Строительство моста.←(кц-1:вп)+(ззвен Х.А.Д.), (кц-4:та)
озвен) Трибунал и Церковь. Луковица. ←(кц-3:тб)∧(нзвен)∧(кц-2:бп)∧(кц-4:тб)
пзвен) тело Христово – хлеб, “движение вне времени” (мир проходит через Христа). Причастие. Небесный Иерусалим – город сходящихся взглядов-дуг. ←(кц-4:та)+(кзвен)…(дзвен)←

Краски и материалы:
м1) влага – смысл, Бог – сырости ночи масса. Дождь.
м2) число – цвет, цвет и свет. также: блеск, чешуя.
чешуя рыбы, дракона. зелёный цвет – “линия” счёта.
м3) свет и мрамор – строительные материалы. contra: мёд и дёготь.
м4) головная боль и ощупывание черепа.
боль – род коммуникации
м5) ветхозаветная “ремесленная” тоска, пурпурная.
м6) усталость человеческая от труда (всп. зубную боль)
м7) галилейская жара и (сл.) опьянение, “тошнота”.
м8) малые и большие буквы (к кц-4) в основном.
м9) позитивизм-тонос: космическое излучение, теория самоорганизованной материи (к ёзвен)
сл. *м10)* постукивание, перебор рождают длительность.
(с м4, м9)→к1.
м11) потеря памяти

- - - - - - - - - -

Конструкции:
к1) железная дорога, телеграфная линия по Брюсову.
к2) разделение рождает зерно, “элемент-провокатор” – пожирание зёрен
к3) история – результат сложения скоростей ←(кц-1:б,вп)
к4) [смерть-ошибка перевода] двояко: *i.* Харон-сюжет навыверт; *ii.* Несогласованность разговора клеток человеческого тела.

- - - - - - -
крючки:
кк1) устный счёт – это наша рыбья молитва.
кк2) <смотри>, рыбья голова – не человеческий череп: тебе мешают это знать <твои прекрасные глаза>
кк3) разве ты не знаешь этот <тонкий> ресый цвет, чем дышит <–/древний> <город Самарканд: …-град>
сл. кк4) текст печатный – тевтонская речь.
полуушники: кк5) число – цвет… ←м2; кк6) женская нагота – вычисления ход… ←гзвен); сомн. кк7) логика и магия – … на "зачин": кк8) логистика (от др.-греч. λογιστική "счетоводство") – искусство счёта, и шагистика; кк9) эгофония (от др.-греч. αἴξ, αἰγός — коза и φωνή — голос) – козл…, и полифония, и драма…
- - - - - - - - - - - - - - - - - -
рек. к постр. : *i.* историческая перспектива. *ii.* фоническая перспектива.
- - -прил.: кпр1) рыболюди (в порфире):
кпр2) республика палец, панна брыжейка
кпр3) петля забвения
+внутренняя коммуникация, боль как способ коммуникации. [рзвен)].

Скептический абрис.
Фактический строй.
Ф1) катастрофа => договор (о побеждающей вещности)
Ф2) видение Иерусалима дуг, Христа; об откровении. см. Ио, Матр.
Ф3) о Троице (в предикатном отношении).
Ф4) об унижении человеческой чести, достоинства. О прозаическом человеческом равнодушии. Разночинский фрагмент (кц-3:тв).
Ф5) о техническом отставании, провале всех сроков.
Ф6) признание лености и безделья. Призрак труда.
Ф7) о занятии математикой. Математика более богословия. "ДАСИЧ-интервал".
Ф8) о многоголосии.
- - - - - - - - - - - -
фа): [Ф4+Ф5]: о невежестве и слабости. О потакании варварству.
фб):[Ф1+Ф4]: против безумия и аскезы. Против молчания. Против юродивых.
фв) [←Ф7]: о реальности и реализме.
фг) [←Ф3]: о непонимании евангельской истории.

(фг)→фд) к Собору. Воспоминание о Трибунале (↑Ф1).
фе) критика крайних степеней мистицизма и строгости. Признание мистицизма.
фё) о маловажности отдельных лаконичных формулировок. О суровом требовании понимания.
фж) вопрос о необходимости религиозного страха.
фз) против человеческой алчности

ремарка: попытка спасти хоть какую-то ценность и безделицу при катастрофическом сознании своей и всеобщей греховности.
Попытка глубину этого сознания передать.

26-29 июля 2024 г.

(II) ГОРЫ И ПОЛЯ

“Романтическая” часть – горы и поля, и мы смотрим на это со стороны. Если бы мы смотрели впервые, ложной оптикой, то нам казалось бы, что в эту ширящуюся, чуть ограниченную мелкими кряжами землю вкручиваются все остальные сильные и злые части – а посмотрев второй раз, вглядевшись в эти хребты и поля, и не посмотрев третий, мы бы кричали: яма! яма! тартар!

2.1 Фанфара ужаса:
Муза моя – это личинка белая, восковая; свет – отпечаток Божьего перста, ход червя – свет (серебряный колодезь). Жирный червь прогрызает кору планеты (моя муза копошится в мире, проглотившем её).

2.2
Фройден! Фройден! Фройден![7] В разноцветный ад проваливаются человеческие души. Я слышу гиперзвуковой треск.

2.3
1. Личинка (дверного) замка – фанфара ужаса. /Ларец.
2. До был сон (второго августа, наверное), состоящий из перформативных эпизодов. Сохранились только два и увертюра.
Тогда же: червь – ленточка – бесконечная мелодия.
Ещё раньше, начало июля: раковина и Троица. Странное слово "псалтерия".

2.4
Господи, прошу, дай на Тебя посмотреть посреди этого
(сплошного/железного) огнедышащего сна.
(Поля тминны.)
Душа человеческая спускается вглубь мира и обнаруживает
всераспространяющийся свет "снаружи и из себя".
Очищающий речь огонь (по Рихарду Вагнеру). И при том кипячение души.
Бутылка невыпитая– /текст печатный - тевтонская речь/*
(Разговор толщи земли с землёй).
*зачем тебе именно этот боярин?

[7] Судя по всему, неправильно услышанное «Freunde! Freunde! Freunde!».

Итог – царство мертвых. Поднимаюсь по лестнице: гиперзвуки летят чрез меня. Спускаюсь вглубь мира.

2.5

1. Конец: суть вещества – [двух]исходящий свет (туда спустилась "поднимающаяся" человеческая душа); путь до него – очищающий речь, кипятящий душу огонь (по Р. Вагнеру).
2. Крючки-лучи**:** свет непротиворечив, длится, есть функция и может гнуться, цепляться.
(Не цепляйся! Не привязывайся!)
3. Жара превращается в пламя-жар; свет – птица-жизнь жара.
Симон Петр изнывал от галилейской жары.
4. Царство модернизма – город дуг, христианский град.
(Дыхание, жар; знаешь...)
5. Сон – взгляд человеческий наизнанку.

2.6

Можно представить себе огромную, с кулак, линзу из дымчатого стекла — она лежит на столе, и мы всматриваемся в её матовую поверхность.
1. *Царь-буква: буква – зуб* (зубок, корона).
2. Царство мертвых — это мутное стекло, жители царства – звуки (или же увидим цветки, скрипки, альты).
3. Звуки – пытки – скрипки (счет).
4. Многотелие; построение человека.
5. «Другое дело, что чистый и блуждающий разум, сожительствующий со словом-блудницей, себя исчерпал, и как методы сейчас уместны либо математика (которой стоит заниматься серьёзно), либо мистическое откровение».
6. Там же напряженность, коя есть, суть, кровь-киноварь. Текст печатный – лирический герой постройки.
7. То есть превращения света (взгляда и функции) — каркас постройки.
8. В этой жесткости выковывается коллективный мотив, выковывается "фройден", и навёрствующая круги, летающая кругами валькирия – локомотив строительства.
9. Тут же *спица из зубницы – спица, сидящая в зубнице, ходит вверх-вниз.*
10. Тут же сон, тотальный театр, и чертеж, и, конечно, нагота.
11. Спокойной ночи, день; пока, день. "—День кончился / —Пока день".

2.7

1. Да, вот голос во тьме – не обязательно голос человеческий; это очень важно показать, что голос человеческий ещё найти нужно. А говорят друг с другом предметы, звуки, знаки.
2. Утверждается, что красота в мире не положена, то есть красота за миром, а мир — не сходящаяся и из того вращающаяся скорлупа.

2.8

1. **Я есть лишь свет, сам в себя заходящий и проходящий сквозь мир.**
2. На смерть убиенного Алексия; явление частной смерти; *гроб, вплывающий в мир.*
3. Когда я говорю хвалу кому-то, слова мои превращаются в деревяшки (фигуры-петрокубики из тетриса), то есть в фигурки, складывающиеся (в ходе некоторой игры) в деревянный куб. Вот слова в эти деревяшки превращаются, и тупо друг об друга бьются.
4. **Слов моих недогадки, лучистые выродки.**

2.9 Один мистик дурит другого – проливаются бездуховные речи.

I.

1. И вот фундаментальная проблема заключается в том, чтобы одолеть миф, и, миф одолев, перейти к разговору о мире (мире неистощённом). Мы этого пока ещё не сделали, и это — главная задача, это, я считаю, генеральная установка: сказать что-то о мире и тем мир сдвинуть и потрясти. В общем-то, задача заключается в том, чтобы сообщить мирозданию что-то, что оно, мироздание, про себя не понимает.
2. Нужно выкипятить свою душу, Коля, чтобы она через щели между словами утекла — тогда и скажешь что-то о мире.

II.

1. Хабаров – это Штейнер.
2. Ерофей, предлагаю составить учебник словоказни для маленьких заводных палачей. Я буду писать главы и главки, а ты составлять к ним вопросы. Вопросы?
3. Поэзией поэзию поправ.

III. “Приглашение на казнь”.

Хватит, Милорад, паясничать; я вначале решил, что завтра не хочу говорить, а после подумал и решил, что завтра это вполне возможно, и сейчас так считаю.

Сколько можно думать, что слово человеческое — камень и металл; слово

есть пламя, а люди (люди, люди, даже не человек, человек) — от пламени свет. Сколько можно думать, что из слов строят соборы? Неправда, словами плавят и пытают — и вот я ныне решаю, что завтра уместно поговорить. Думаешь, так много у тебя силы, Милорад Павлович, чтобы одним своим предложением, несколькими сцепленными словами повлиять на целый мир, "верть-движение"?

2.10

I. “Диалог с итальянским поэтом”.

——Единственное, что человек способен сделать в мире, — перенести предмет языка за барьер языка, в вещество; в сущности, человеческий дух не может сделать ничего кроме того, что обратить слово в плоть (именно это — наделение бытием предмета).

И мой собеседник "сознал в чувстве", что единственное, что способен сделать человек в мире по отношению к миру, — решать фундаментальные задачи.

——Самое полезное, и вообще суть единственное полезное, что может сделать человек, чтобы не погрязнуть в словах и во времени и, в целом, чтобы хоть какой-то толк от его страданий был — это стараться честно отвечать на божественные вопросы.

——При том, что очень важно, фундаментальные задачи ставит не человек, именно что фундаментальные задачи через человека решаются, а сами задачи — часть действительности (и, вероятно, единственная действительности характеристика). В сущности, именно поэтому всякое решение фундаментальной задачи (и, соответственно, перенос предмета языка за барьер языка) есть чудо Божие; именно это и изображают на иконах.

——Что такое слово, где слово более образа?

——Да, конечно, слово более образа, слово — смычка бытия и языка; слово движется: молекулы отлетают от стула, но мы говорим "стул" и, суть, говорим во времени: мы не есть способны сказать "стул" мгновенно. Слово, в сущности, есть "в мир перетекающее"; именно поэтому только в слове может быть заключен прямой приказ, власть.

Это очень важно: слово говоримо во времени (и тем в быту, время лежит в быту). Так слово оказывается обязанным перетекать самое в себя — слово, суть, выживает во времени.

Стул перетекает в стул, и мы знаем, что он перетекает, однако мы не понимаем суть сего перетечения; да! Мы не можем понять, что происходит,

так как стул остаётся стулом, как "стул" — "стул". Сущность перетечения вынесена за пределы мира, и даже Господь не ведает, что происходит — все, однако, созерцают и видят эту тайну.

——Тут я могу себе представить только фрактал.

——Действительно! Слово, суть, и есть бесконечно большой огненный фрактал, обозреваемый бесконечно быстро двигающейся "внутрь него" (бесконечно быстро меняющей увеличение) камерой.
Да! Мы видим лишь пятно, но пятно со структурой; структуры же эту мы не есть способны понять. Мы видим какой-то конкретный фрактал, но не можем понять принцип его построения. Это и есть слово: слово как-то перетекает самое в себя, и принцип перетечения лежит вне мира.

2.11
I.
1. Огнепальный поп Аввакум.
2. Никон – башня.
II.
Но вскоре спутавшись, позволим себе такие интонации.
1. Сделаем бессмысленное дело – попытаемся сосредоточиться.
2. Может быть, тогда увидим, что слово – валик, и ещё даже что слово – это восковой валик.
3. Вспомним, может быть, что муза моя – личинка белая, восковая.
4. Вспомним, что муза – личинка, что личинка – фанфара ужаса — личинка дверного замка.
5. Выйдя из кабинета, скажем “городушки-отвертники”, наткнувшись на баррикады.
6. Может быть, увидим и божество, пожирающее человеческие тела.

2.12 Изрекаются следующие банальности:
1. У тебя созерцающий не имеет свойств, не может быть слабовидящим и хромым.
2. Самая печальная судьба в мире – моя судьба.
3. Мир – это глубокая мысль?
4. Будто бы мир созерцает мир; Гелиос заходит в музей.
5. Окуклившись, гусеница обращается в бабочку. То же делает человек: его кокон – гроб.
6. Ритуальное перекивание красного деревянного идола — преступление.

Пряник — мраморная скульптура, сушка — деревянная скульптура.
Пряник — мраморный памятник, сушка — деревянный идол.

2.13
Мраморные рыбы, рыбы, покрытые железным листом, плывут по небу.
Смотри! Смотри! Дирижаблей ход, слава.

2.14
Да! Прибытие слов порождает время.
Язык, суть, соответствует моменту времени; слово же есть в мир изливающееся, слово — смычка языка и бытия**.** А время положено в быту, и человек движется в быту во времени.

2.15 И выше, и ниже кипящая чёрная кровь — хлыстовщина.
1. Ночь, пропитанная багром и светящаяся им. Каждый её кусочек сочится им, и тьма "светится" им – кровью.
(Мировая ночь. И хочется сказать по-немецки die Weltnacht.)
2. …Они празднуют, и празднуют день рождения каждого из сидящих за этим столом; на столе стоят оплывшие свечи, будто колющие и пытающие ночь — пьющие её свет.
3. …И вот мы находим какое-то помещение с прорехами, зияниями в стенах, какой-то барак; рядом с ним есть костер, и этот костер — сама в себя кипящая кровь.
4. …Мы заходим в этот барак с ночью, на дощатом настиле сено, и в сене монета; я даже, Господи, знаю, что это за монета. И я понимаю, что около ста лет тому назад в этом бараке были сектанты (во время Серебряного века) вроде сектантов-скопцов; они лишали себя тела, и сообщались друг с другом только обменом монет.

2.16
1. …Мы одновременно повернули голову, и на тропинке появился скелет, полный красного света и огня.
2. А на самом деле пустоты нет; везде несется камера-дух (огонь-фрактал).

2.17
I.
Утверждается, что Ветхий Завет – музыка, Христос же есть Слово в самом буквальном (спица из зубницы, корона зубатая) смысле; “знакоплетение”

становится возможно (и необходимо, и нет иного пути) понимать прямо, без всякого отстранения.

II.

1. Переходя к экклесии, вставить шлягер.
2. Стояла ветхозаветная жара.

(III) СИНИЙ БЛОК

3.1 Причастие.
1. Тело Христово заполняет собой все пространство, так как Христос преодолевает “модернизм”. Он стоит, тело и дух стоят, но его движение движется. В этом и есть, наверное, распятие.
2. Так мы едим хлеб как плоть Христа. Хлеб есть “движение движения”, “явление явления”.
3. Христос есть Слово, поправшее букву, разоритель буквы.

3.2
Вино – тупик воды. Вода – логос.

3.3
1. Проезд по небу ангелов с трубами.
2. Копья.

3.4
Распятие – центр. Учение – структура мира.

3.5
1. Что такое поздневизантийский блюз? Это разговор на самом последнем изломе и стыке. Вот пора уже закончить, а всё говорится, говорится во все стороны, и заливается, и всё это, что главное, с Божией санкции. Говорит Григорий Палама, и что-то делают ангелы.
2. Автору видятся и судороги святого мужа Григория Паламы.

3.6 *Ключик.*
I.
И как церковь на крещатике стоит и вращается, так и нет опоры Паламе Григорию.
II.
Здравствуй, дитя персеквенции – золотое дитя. Слава тебе, честь и поклонение.
III.
Однолопостный кокошник — псевдозакомара. Пятилопастный кокошник — арка с наличником.

3.7
Собор – луковица, укоренённая в мире.

3.8 Хлебопоклонная ересь.
Симеон Полоцкий со своим учеником Сильвестром (Медведевым) считали, что хлеб обращается в тело по произношению священником тайных слов "приимите, едите" (после общественным мнением эта позиция будет изображена как латинская позиция) без эпиклезы (молитвы о схождении Святого Духа).
Греческие братья Лихуды же всем все объяснили, и Медведеву отрубили голову.

После:

(IV) СОБОР ФЕРРАРСКИЙ

4.1
Крещатик.

4.2
Колода ветров.

4.3
Возмездие.
Отпав от массы [катастрофа, история]…

4.4
Как лицо человека, обремененного тяжелой думой, становится бесконечно красивее его лица в "минуту употребления", так и устроена молитва — речь человеческая, залитая открытым горем, становится светла и благородна, и божественное поселяется в ней, так "сбывается обращение".

4.5
А ведь слов собрания человеческие почти Габсбургов войска со знаменами — их ждет поле брани, и Святой Георгий улыбается им, ландскнехтам.

4.6
Страх и Ужас объяли меня.
«Разум-столб, прямо стоящий, опираясь на землю, будто пронзает её – костяным цилиндром летит из одной бездны в другую: бортовые прожектора снуют туда-сюда, ища пленников – странников ночи: уховёрток, крылаток людей, предметов и слов; ассирийская эта бесчеловечная башня уничтожает и вяжет, отдаёт их бортовым львам – цветовым фигурам.
Господи! Господи, слава Тебе! Господи! Для чего это делается?
—Подводная эта лодка несет Ковчег Завета (из одной бездны в другую)».

4.7
1. Сон ближе к земле, чем к небу.
Если ты поел Муесли, значит день прошел не зря.

2. Собор — общная исповедь.
Религия перенаселена.
3. Из псевдосна.
Церковь не имеет тела, не потому что она слишком большая, а потому что она недостаточно большая. Христос больше Церкви, и тело его томилось.

4.8
Инструмент играет на музыканте, и музыкант играет на инструменте – это и есть вдохновение – и у нас не получится жить бездуховно.

4.9
1. Отрублю себе палец, и с этого начнется мой крестный ход.
2. И крестовый поход мой начнется с того, что я отрублю себе палец.
3. Ветхозаветная жара.

4.10
1. Происходит опасное мигание – отождествляется человек и крест:
Се человек – спичечный человечек; в жару, в кою невозможно ни думать, ни мыслить, жару ветхозаветную распадаются спички и складываются.
Человек вообще — склейка спичек; человек тут есть спички распадающиеся.
Жара Иерусалимская обглодает крестик человеческий.
2. И нет ничего благотворнее для болезни, нежели музыка.

4.11
Се распад, братья ["я" очень долгое], смерть и разложение.

4.12
В первую очередь меня интересует поэзия имперского культа, пурпура и пышущих золотым жаров слов, книг в тяжелых окладах.
То есть я говорю о порфирородной поэзии.

4.13
Ты арараторствуешь, жалкая гнида.

(V’)

5’.1
Вот и всё, что осталось от милой моему сердцу персеквенции.

5’.2
О, призрак, призрак персеквенции! Оставь меня!

5’.3
Все предметы озарились историческим светом.

5’.4
Персеквенция в действительных частях — "сверточная нейросеть", где читатель со слоя-омута проваливается в слой-омут.

5’.5
1. Нейросеть; работа с представлением, с образами.
2. Маски текстов.
3. Евангельская история — этапы представлений.
4. Иерархия обучаемых представлений.

5’.6
Может быть персеквенциальный круговорот, а может быть круговорот бессмысленных речей (из-за темных чувств).

5’.7
То есть персеквенция — это семь ступеней, по которым стекает вода.
То есть персеквенция — это семь ступеней, по которым скатывается каскад.

5’.8 *Раковина и шум раковины.*
То есть персеквенция – это такая морская раковина с отломленным хвостом или ступенчатая воронка.
Можно и так это понять: шум раковины – вечность.

5’.9
Как же я горю желанием, как же я желаю написать оду стакану!

5’.10
Окуривание персеквенции.

5’.11
Кубок желчи.

10 декабря 2025 г.

(V) ЕЛОВЫЙ ЛЕС

5.1
Световые слоны.

5.2
Хлеб и цветок.

5.3 Тайнозрение.
Поэтическая наша тяжба заключается в принятии того цветка (той инвективы...), что тайно зреет, и взятии на себя ответственности за его тайнозрение — вот они, страсти благовестия!
И что же происходит, коли тело Христа — не хлеб, но цветок?

5.4
1. Мы не можем сохранить видимое, мы можем сохранить только невидимое. Действие непреходящее (и проходящее все препоны) приглашает к разговору.
2.
Спор, и как бы спор, затвор и покров.
Максим Исповедник и как бы манихейство, а также покров и спор.
3.
Мы не можем сохранить видимое, мы можем сохранить только невидимое.
Покров Богоматери и спор; Андрей Боголюбский, Марк Эфесский.

5.5
Поэтическая картина мира — картина, изображающая и дарующая (что суть одно) миру исток.

5.6
Бегающему за забором от пишущих на спичечном коробке.

5.7
Царская шишка.

5.8
Комариная симфония.

5.9
И травы детства.
Грязь поколений.

5.10 Фрагмент с городом в два борта:
«Божество – одной сырости ночи масса, что обёрнута температурным условием: думаешь, города-сита, стены чьи – ситечко, здания, стражники чьи – решето, могут удержать божество-сырость? Пусть город ловит ветер, пустой и загнанный воздух, питает его движением своё дыхание, крутит лопасти-турбины: разве он сможет поймать саму сырость?

Наши прописи были недра земли: в тяжёлой, унылой работе мы поднимали камень, искали трещины, болезнь материала. Создавался чертёж. Отправляли очередной блок породы – твёрдое слово, белый каррарский мрамор, собирали мысль: зодчий, рабочие, кони. Мы строили мысль – колонну имперского города. Нам нужно было двадцать блоков каррарского мрамора, имя которому – день, блок породы – твёрдое слово. Наша колонна стоит на императорском форуме, мы зодчий, рабочие, кони. Она гнетёт пасмурную погоду, держит землю. Мраморная колонна – слава императора: наша колонна вызывает дождь и топчет серый цвет пятками.

Пусть ночной город давит подлунное пространство, топчет виноград водяного пара, эти ватные гроздья снов горожан, добывает сок, пьёт, пьянеет, роняет свою нечленораздельную речь укладки кирпичей, безобразной и тупой строительной работы, жмёт всякое мутное облако, бессловесную думу, стойкий и слабый привкус во рту, всякий туман – между пальцев его, в кубках и стаканах одна влага: ливень, капля, лужа. Влага не сырость, как слово не смысл».

5.11
1. Светоносный узел, от Троицы рождённый.
2. Мировые светильники.

(VI-VII) ШУМ РАКОВИНЫ

Мы берем раковину и подносим ее к уху.

Р[**(I)**]
Минерализм – это январь.

Р[**1.3**]

Медная – осязание (предисловие) в отношении медности иконы и монеты (1.11) нам прежде всего интересна их осязательность

икона –

– экранирование 1.13
– 2.10 …именно это изображают на иконах…
– катастрофа (Ф1): дёготь м3) :

Тут следующая примитивная технология рода I': катастрофа понимается как схождение неизобразимого и неназываемого – иконы мажутся дёгтем (ибо неназываемое неизобразимо), а шум почитается богом, и шуму кланяются, и приносят жертвы (ибо неизобразимое неназываемо).

•Ряд шпицрутенов, любовь – ортогональная матрица: линейность (Р[1.8])
•Ряд шпицрутенов – убийство (гибель) романтического героя: 1.3→1.7→1.13→2.9→2.12→3.8→5.10;
•Палкование как операция: я видел грех во мне как семь разноцветных прутьев, скрученных железным кольцом – в этих жезлах, бывших как бы прямолинейными образующими, горел семицветьем сноп сена – гиперболоид.
К: И вот показывается Луна, то есть наступает ночь (2.8).

Р[**1.4**]
•Превращение (операция): Чехов |→ Чеховиана.
•к: ~ночь горит, пока человек бодрствует.

Р[**1.6**]
[сердце; хитрый трюк] – воровство бумаги 1.13
К: Лектор по матанализу – мейстерзингер, и это поразительно, и слава ему; ведь человек, рассказывая курс матанализа, по сути, сообщает людям

метафоры и разворачивает метафоры. И это удивительно – существуют учебные заведения, где людей специально учат разворачивать метафоры, выпускается специальная учебная литература и выделяются гранты – и ведь это тоже самое, как если бы были специальные заведения, где людей учили бы обращаться с поэтическими предметами “Дуинских элегий”.
Метафора разворачивается – и мы видим планету, катящуюся на нас ёзвен).
•к: «Мастер и минерал» (1.6, 1.7)

Р[**1.7**]
•к: ~I. …с меньшей амплитудой – феноменологический маятник (3.1), и при том спасение.
• его смерть – ошибка перевода: к4).

Р[**1.8**]
*) Закат был довольно забываем.
**) Живительный смысл – линейные полки.
*) **) => [м1) влага-смысл] => (Закат в бухте: линейные фрегаты) То есть закат в бухте, над огневой гладью воды. → 2.13 слова-корабли (броненосцы—военные корабли).
—линейность рода. 3.3 (точнее, прибытие)
*: закат |→ ночь (1.4, 1.11, 2.6, 2.15)
К: верна интонация: переход в ночь – вовсе не грандиознее событие. ~5.1 (и от прогулки я не получил удовольствия); переход в ночь – наступление ночи (1.2).
**: слово – это смерть, но слова живительны; о словах (живительных и) вдохновенных малых – 4.4,5. </если не оживление, то хотя бы освящение>
•(I’): азвен), кц-1:бп)
Итак, происходит следующее: линейность обращается в быт (ладьи спускаются на воду) на фоне наступления ночи – слова осмысляются.

Р[**1.9**]
IV.
i. Больше моего тела моя привычка .
ii. Пальцы мои — моя привычка, и врачи должны учесть это. Я смотрю на свои пальцы, и вижу реберную клетку — ископаемое.

Р[**1.10**]
Скованность, бессилие – заборчики |→ разговор толщи земли с землёй 2.4

“Это светлая печаль, смешанная с песком огорчения…” → Чистота-грязь (~2.7) → Грязь рок-н-ролла (1.7-5.9-…)
: как спасение общение с разумом звуков ~ бзвен):
: Оккультизм (открытый минерал – оккультный свет)
• К:
«Ограда поёт о граде, желая замкнуться»: Поле Р[к2)].3;
«Я ем плов с Милорадом»: 2.11 Пожирание людей →Р[к2]– 1.11.IV Голодный дух.
• То есть рок-н-ролл – эклектическая бездна и бездна радений, и в этом смысле рок-н-ролл действительно есть рок и зов; эклектика на пороге романтических радений – чёрная кровь, и именно самозабвенное отслеживание скоростей приводит к ней.
К: Как и Саловат, как и рыбье тело, разум звуков зеленый, когда мой разум розов 1.12-1.13.

Р[**1.11**]

Монета* → Ночь** → свет (багром) → минеральный цвет → сияние голодного духа → Ночь → свет (багром) →…   [всё вращается вокруг Малого суда***]

*: • Круглая монета индуцирует цикл.
• Монета <медная> – медный Христос.
1.3-1.11 медный; 1.3-1.11-1.13 экран
**: “Горение ночи”: 1.4, 1.5…
***: Малый суд – голос из тьмы. То есть судимы, конечно, будут не только люди, но и имена, и звери, и предметы.
+К: ~Мандельштам: переживание самого себя → к сущности, то есть →(II)→(III).
К: Утверждается, что оккультизм – свет открывшегося минерала.
• Триболюминесценция — люминесценция, возникающая при разрушении кристаллических тел; и мы представим себе бьющиеся сахарные головы.

Р[**1.12**]
• «Три дня никто не говорит с лесорубом-модернистом…»: мужи почтенные и достойные и мастера 1.6–1.7→1.12→3.5.
Ритуал уединения/ изгнания/ изоляции – сосредоточение 1.12-2.11
К: Христос во гробу.
К: …см. статья: вынести из метафизической бани.

! Треск падающего дерева:
|→ 2.1; 2.2 – провал в ад, гиперзвуковой треск | фанфара ужаса 2.3 |→ 2.8 |→ 2.17 |→ 3.3 трубы трубят.
|→2.4 гиперзвуки летят через меня
~ 1.13 симф. ф. |→ естеств. снижение 5.8 ком. симф.
~ звук более слова (2.11 Никон: Р[2.12] о скульптуре)…

! Дерево 1.12 → Лес V (операция вроде 1.13) !!!
К: (с неполным заимствованием у Белого): Древесные кольца – музыка.
<Б: древо и есть первоначальный фетиш, потому что оно – обиталище души>
То есть древесные кольца – круги на мутной воде.
• ≈трибунал: озвен)
К: «…цветной сердцевине» ≃ разноцветной.
• 1.12-2.12 красное брюшко – красный идол.
К: вкус лакрицы – вкус разума.
• Дятел на верхушке… Личинки сверху… ~– поднимающая человеческая душа 1.12-2.4.
• Дионис-Дендрит. Обратим внимание на картину Иванова; Гиацинт и Кипарис.
• Лесной царь – царь-буква (1.12 → 2.6).
• Острые предметы: корона лесного царя 1.12 |→ спица из зубницы 2.6
щепа, копья, сучья 1.12 |→ 3.3 копья.
• Личинки в дереве… 1.12 |→ личинки 2.1–2.3.

Р[**1.13**]

ВНЕДРЕНИЕ

1) представление малым большего; 2) приветствие.
1):
• представление малым большего: см. оп. (1.12) |→ (V)
/ | \
1.3-1.13 1.11-1.13 нагрудный крест
икона монета
операция – экранирование
2):
• приветствие – символ веры
К: символ веры – ромбик и остриё

К: Листы бумаги – это щиты/ Щиты — ворованная бумага[8].

…выдумка: бумага – материнское молоко

• Исторический план: в тоталитарных режимах 20 века происходит именно это: повязки, плакаты и особого рода приветствия; утверждается, что тот же вопрос экранирования также разворачивается в иконоборческом кризисе. Чрезвычайно аккуратно предположим, что вопросы, связанные с взаимодействием человека с экраном мобильного телефона, веб-дизайном, – единородные вопросу экранирования вопросы.

•Вопрос формы (как внедрения):

{ Симфоническая форма – гуманное внедрение.
{ Воровство бумаги – негуманное внедрение.

Аккуратно, не придавая этому слишком большего значения, заметим, что внедрение – это ещё и вкручивание (3.6), а вопрос экранирования, как то, я верю, обыкновенно случается, распадается на двойчатку отношений:

{ 1. предмета и его чертежа (кц-2:ап)
{ 2. предмета и его творца (1.6—1.7→1.12→3.5)

Так весь девятнадцатый век немецкие принцессы, выходя замуж за русских великих князей, получали себе отчество Фёдоровна в честь Феодоровской иконы.

• «…имеет зелёный цвет – цвет рыбьего тела»: 1.13→4.3.

Р[**1.15**]

Наши деньги требуют наши сердца.

К: Деньги – см. Рильке (элегия).

Р[**I’**]

Лук звенит, стрела трепещет
И, клубясь, издох Пифон…

Когда I – вход в персеквенцию сердечный – славный, гремящий, мощный, то есть, представляя наивно, изнутри, издали вовнутрь, в угловатые недра – вдаль, то I’ – тень горнего входа: реальный начальный образ. То есть мы имеем дело не с лестницей, но со схемой, то есть экраном – чахлой паутинкой сознания.

Если текст написан в надрыве, то не текст возбуждает переживания автора, а сам автор, возбуждаясь, строчит текст – пытаясь этого избежать, автор в I’ (I’ – обрыв и запустение) обратился к нотации. Следующие слова –

[8] Судя по всему, из “Я не предал белое знамя, оглушённый звоном щита…”

ветошь избранных изъяснений вялых, чуть подвижных представлений, то есть пыль на тени – паутине музыки или зеленом пятне ряски, много где без любви, на погибель – пусто о пустом мире, гадательно в опьянении:

Кц-4:тб-в):

Увертюра прежде всех увертюр – мёртворождённая пёсья увертюра, и точка её кристаллизации (момент увертюры) – превращение музыки в слово, рождение прямого указания. И после мерещится царство мёртвых:

1. Киноварь течёт по жилам.

|→ (I) Минерализация: музыка ~⟶ кристалл; грязь ↦ чистота и прозрачность бездымного пламени.

2. Как из человека выдавливают человека, так и мир – вращающаяся шелуха (2.7).

К: отсюда нечистота 1.7→1.10→2.4→2.9→5.9, и отсюда священная чистота (кц-4: тв).

3. Мудрость есть кара неверных и милосердие ко всем виновным.

азвен-бзвен):

1. Танцевальная литература.
2. То есть музыка возбуждает к движению, жертвоприношению.

гзвен):

1. Художник и натурщик, натурщица: утверждается, что муза есть сожитель влечения к вещности (дзвен) → (жзвен) полет валькирии.
2. В пустом, ветхом мире нагота – число (2.17).
3. Происходит хищная спекуляция, а именно спрашивается, является ли тело чертежом или законом. И утверждается, что и на смерть, как и на страсть, у человека нет заведомого права, “обеспечения”.
4. Видится: нагота натурщицы – нагота человека на Страшном суде.

дзвен):

Телесность мира и побеждающая вещность.

езвен):

1. Высокая инженерная задача есть строительство взгляда человеческого, и мы не видим взгляд, но видим.
2. То есть высокая инженерная задача есть строительство права на страсть.
3. Только при Христе человек человеку может быть мужем и женой, а не <...> (2.6).
4. Так уверуем, что мы имеем страстями Христовыми право на страсть.
5. Всякая высокая инженерная задача не есть тавтология, и время есть

высокая инженерная задача, и вера есть победа над временем.
6. Утверждается, что вера – это Бог, и на бренную землю приходит не Бог, но вера – и язык есть неназываемое.
ёзвен):
1. Колесо — дуга, колесо-дуга продавливает в земле дугу. Миф — дуга, и миф-дуга строит дугу. Взгляд — дуга...
2.
Земля (огромное колесо) — прозаическая речь.
Как живёт дуга в сырой и сухой земле? Смысл — влага (м1).
Разрешающая речь – маленькое колесо.
— очевидно, что речь идёт о кривых разных радиусов кривизны, как и о скоростях, с ними ассоциированных.
3. *Астроинженерные сооружения:*
Утверждается, что автоматическое, механическое мифическое мышление, где и нагота – число, есть будто бы Земля, или Земля и Луна, или Земля, и Луна, и Солнце, когда человек – выброшенная в бездну пустого пространства фигура. Невесомый, он потерял музу и задохнётся.
4.
I) Колесо – не шестерня. II) Шестерней шесть. III) Служба – шестерня.
5. Убийство: колесо едет по большому колесу-планете – также осуществляется и поэтическая работа.
6. *Астрономические события* – движения небесных сфер (лзвен):
Так история – разворачивание метафор: само понятие смерти меняется – человек умирает иначе, и мы более не способны сказать о “предшествующей, прошедшей смерти”: огромный, гигантский шар вращается перед нами, катится прямо на нас.
извен):
1. Правой рукой писал о необходимости художественно непрерывной формы, в чаду полагая, что только непрерывный текст (симфония!) вберёт в себя болезнь, разложение и смерть.
2. Левой рукой, будучи в дыму, писал: “Фрагментарность фраз и мышления – сетчатость, впускающая Свет Божий в наш город”.
3. Доску высекли бичом.
кзвен):
1. Время – это легушачья ряска на воде. История – суперпозиция волн (к3).
2. То есть история складывается из несоотнесённостей скоростей счета.
кзвен-*ii*):

Бомбардировка.

лзвен):

1. *Второй паук* – паук-крестовик (художник).

Художник есть паучок на мировой паутине соотнесённостей, и все они сходятся к нему. Образы и причины-следствия — серебряные ниточки. Грехи – подёргивания, и все они сводятся к нему. А он дёргает эту паутину, и дрожь — чистая музыка всего бытия.

2. То есть, что, в общем-то, элементарно, художник равно влияет и на будущее, и на прошлое.

3. Второй паук→ *Крестовый вор* 1.13.

мзвен):

То есть огромный, божественный кит вплывает в вереницу вещей – это и есть сон.

нзвен):

1. Видится бронзовый жук и нотная запись, и модерн представляется усиками бронзового жука – усики жука прикладываются к картине (экрану – 1.13).

2. Драматургическое ощущение, видение — представление Бога как фигуры динамики:

I | *I.*1) *Dubia*. Лат. сомнение.
| *I.*2) *Дубай*. От араб. "молодая саранча".
| *I.*3) *Blaptica dubia*. Аргентинский древесный таракан.
II | *II.*1) *Кончетто* – утонченная метафора (лат. conceptio – понятие,
| соединение).
| *II.*2) *Кончерто гроссо* – большой концерт.
III | *III.*1) *Симония* – продажа церковного имущества.
| *III.*2) *Крещендо*, увеличение громкости.
| *III.*3) *Треволнение*, происходит от церк. слав. /три/+/волна/...

3. Логические леса нужны для стройки, сами по себе они не нужны. Логические леса состоят из света, и свет конкретен (←ззвен).

4. И вот Иисус из Назарета есть иудей, который останавливается, сходит с поезда – сходит с поезда в поле к степным собакам (кц-4:тб), держит в руках папку с таблицами – словарь (Ф7).

5. И теперь мы знаем, что не можем дать картину, но можем дать только инструмент – и открыв материалы и чертежи, подивимся, как будучи явной, таинственна жизнь.

(Р[5.3]: самоделание Тела…)

6. И как явны речи, так чудесен их перевод – и как явен человек перед

нами, так чудесно его бытие во времени (кц-1:вп).
7. Тогда думаем, грешные – человек гибнет:
переворачивается лодка Харона,
клетки тела, не способные сговориться,
расходятся, судя по всему, по своим делам. (к4)
озвен):
То есть может быть разворачивание метафор, а бывает и их развращение.
м5):
Когда я приступил к работе, я явственно ощущал и вращение, и ту жалкую размычку, что заставляла весь мир вращаться – мир же, принявший для меня хотя бы эмоционально ветхозаветный облик, был пурпурен и огромен – вся эта махина вращалась.
Все эти наваждения вскоре полиняли
к2):
1. Семечко.
Тогда творец разделяется на целое пространство и слово-смерть – знающую тайну храма-произведения точку в нем – звёздное семя.
Им, этим словом, засевается Царство: всею тяжестью мира отяжелённое семечко падает на небо.
2. Таитянский эпизод.
Я видел царство мёртвых как водяную поверхность бухты – прозрачную поверхность волн, в которую есть вход; *вход сторожит пожиратель зёрен*.
3.
i. Ввести ль полеобразное четвертоточие (::), Господи?
ii. А ты был на крыше стадиона (поля)?
iii. А ещё вчера мне снился светлый обет-прогалина (я обещал что-то принести Николаю Степановичу).
(2.4: поля тминны)
К: что характерно, во всех бумагах автор допускают одну и ту же орфографическую ошибку – “зерён” вместо “зёрен” – зарин!
Ф1 → Ф5):
Тогда, провалив все сроки, в заблуждении говорим, что нам не хватило скоростей или, что то же, логистической мысли (кц-1).

И как пифия дышала ядовитыми испарениями, а после пророчествовала, так и тут смердит вялая музыка болотной ряски – музыка побуждает к движению, жертвоприношению: надышавшись болотными газами, лепечем бессвязную речь.

И тогда торжественно, как появляется Архистратиг, из пузыристой глади воды выкатывается на нас великолепный, величественный шар (где экран, там и движение).

Р[**2.1**]
«…личинка белая, восковая» – может видится, что чуть желтая, бежевая.
Фанфара → Р[2.17].
• 2.1 ←| 1.12 Личинки в дереве…

Р[**2.2**]
1.11.III голос из тьмы. Страшный суд.
Фанфара пронзает все плоскости → 2.6 Спица из зубницы ходит вверх-вниз.
• Фройден! – 4.11 – …брать**я**.

Р[**2.3**]
• К: (2.1, 2.3) и личинка, и дверной замок взялись из бытового опыта, что характерно (аналогично план реальности и сна в 2.4)
• К: этот червь, безусловно, никакого отношения к личинкам 1.12-2.1-2.3 не имеет.
• К: “псалтерия” – к катастрофе Ф1)
• К:
«Однажды, Августин, размышляя от Троице, встретил ребёнка, пытавшегося при помощи небольшой раковины перелить всю морскую воду в выкопанную им ямку. Попытавшись объяснить невозможность этого, святой получил ответ на чистой латыни:
—Augustine, Augustine, quid quaeris? Putasne brevi immettere vasculo mare totum?[9]
После чего ребёнок исчез».

Р[**2.4**]
I.
1. *Диалог.*
“Господи, прошу…” – обращение (4.4).
“Зачем тебе именно этот боярин?” – заданный в конкретном, реальном разговоре вопрос к автору, где “Боярская душа” – марка водки.
2. То есть тут “сон” (сплошной, железный) и “явь” (гиперзвуки, лестница,

[9] Августин, Августин, что ты пытаешься сделать? Неужели ты веришь, что сможешь перелить всё море в маленький кувшин?

бутылка невыпитая), едино нисходящие в разговор вещества с веществом – царство мёртвых.

3. При определённой, специфической точке зрения и переносу по смежности персеквенция и есть как бы такой разговор вещества с веществом, который и не может вылиться в форму.

4. То есть, упрощая: суть вещества – разговор вещества с веществом (земли с землёй).

5. [подъём-спуск]: [огонь очищает речь –(душа подн./спуск. к/в)→ суть вещества —

— разговор земли с землёй]

6. Земля с землёй 2.4 – грязь рок-н-ролла 1.7→1.10→5.9

7. Кабаре-служба – упражнение в чистоте (Р[ёзвен].4 – шестерня).

II. Некоторые пояснения.

1. Поля тминны – всего лишь повторение “огнедышащего сна”, виньетка-эхо.

2. Огнедышащий сон очищает речь, а его жар кипятит душу (и она поднимается из него – спускается в суть вещества).

3. Царство мёртвых: 2.4-2.6-2.11

Р[**2.5**]

i. Свет: ззвен), езвен).

ii. (Не цепляйся! Не привязывайся!) – нечто несколько чужеродное, будто бы из “Тибетской книги мёртвых”.

iii. Галилейская жара м7).

iv. Небесный Иерусалим пзвен).

(Дыхание, жар; знаешь...) ←[фрагмент о городе 5.10].

v. Сон мзвен).

Р[**2.6**]

I.

• Царь-буква – лесной царь (2.6 ← 1.12).

• Буква: 2.6→2.17→3.1.

II. После зубницы устаревшая технология (рода I’):

Царство мёртвых как “место сообщения” духов 1.10, предметов [а,бзвен)] и т.д. (звуки-пытки-счёт) [рзвен), м10)]

III. Строительство человека и текста.

дзвен)…города; нзвен) тела Христова ↦ 3.1, 4.7, 5.3

• Много!телие – кошмар 2.15; на самом деле и немецкое словообразование,

когда слова сращиваются, такой же кошмар.
• Старая уже тут, незабродившая технология:
1) построение текста мыслится как построение города и тела
2) разговор нескольких личностных сознаний – кошмар многотелия (топорный способ разрешить сложность представления разговора двух субъектов)
IV.
К: не имеющая отношения к действительности символическая (формульная) реплика рода 4.6 «Разум-столб…» – см. Р[4.2]; к сожалению о гибели и развращении слов, пошлячная реплика рода наивного акме 2.9.
• Тут автор символической реплики имеет ввиду:
1. разум (скорее, личностное сознание) строится
2. разум и слово сожительствуют, и тем слово, как и разум, блудит
3. как некоторое мистическое действие понимается их брак – женитьба разума на слове.
• Р[езвен)]: Христос даёт таинство брака (право на страсть).
Также освящается брак личностного сознания и речи (автор смешал, вероятно, речь, слово и т.д.) – мало того, происходит опасное отождествление музы 2.1 и слова.
• Ф7): скорее математика над богословием, но богословие, очевидно, более математики.
V.
• минеральность (I): напряженность текста – кровь-киноварь (Р[кц-4:тб-в)])
VI. соответствия:
• вращение – полёт музы – движущая сила ковки: жзвен)
VII.
• Спица из зубницы 2.6 ←| корона лесного царя 1.12

К: Сама спица из зубницы – то ли слово, то ли буква – вероятно, слово, потому что спица из зубницы – фанфара ужаса – личинка белая, восковая 2.1, 2.2, 2.3. |→ 2.11

• Из письма к мейстерзингеру:
«…В августе месяце, сознавая невозможность обратиться к слову, я обратился к нотации — так я создал три листа архитектонического абриса, один лист скептического — это было нечто вроде собора, но собора неприкаянного; можно это представлять и плоскостью. В середине ноября я разработал уже сам материал, и свет обратился в камень; в некотором роде тело (1.9) было маятником, проходящим сквозь плоскость.
Однако, всё созданное мною было хламом, ибо никого спасти не могло и

никому помочь не могло, и было лишь голимым авангардизмом без сострадания; устранялось это решением формы (1.13). Так непроизвольна и при том фундаментальна симфоническая форма, рождённая из высшей необходимости — мне же была нужна увертюра, и все последние месяцы я боролся за увертюру. <…>

Именно так одна из главных функций литературы – сообщение читателю чувства духовной общности или, вернее, общения и разделения переживания божественного (это и есть гуманность). Все это только затем и нужно, только и затем мы работаем, чтобы каждый человек каждого во всей его глубине ощутил: слова движутся реактивно, и все человеческие жесты…»

→Имея соблазн провалиться в пошлость схемы, я всё же опишу *маятник* (мы прочитаем это как условное описание реального, физиологического чувства; если бы это была икона, то была бы икона еретическая, потому что тут описание фантазии частной связи, то есть речь всего лишь о бытовании – это, братья, не предмет иконописи!):

Моё человеческое тело проходит через мир ≃ читатель проходит сквозь плоскость-I’ ≃ слово перетекает само в себя, но при том проходит сквозь мир (2.8).

≃

Тут же *спица из зубницы – спица, сидящая в зубнице, ходит вверх-вниз.:*

•) окружность вращения слова ⊥ плоскости мира, огневой глади (слово вращается в плоскости, перпендикулярной плоскости огневой глади, и диаметр окружности вращения лежит на прямой пересечения этих плоскостей):

в малой окрестности точки пересечения слово летит по прямой, перпендикулярной данной плоскости.

•) видится маятник, потому что свет двухисходящ 2.5 (временность и антивременность P[5.3]) – также и зубница ходит то вверх, то вниз.

- - - -

•) «Слова каждого человека движутся реактивно» ─ наивная временность и антивременность примера 2.9 «Люди – от пламени свет…»

•) «…каждый каждого ощутит…»: 4.7 – экклесия.

—— То есть, как и моя ересь маятника, есть много ересей: я видел, к примеру, время и антивремя в тексте как волны в электрическом и магнитном полях (←кзвен; P[5.3]) или, что уже опасно, слова правозакрученные и левозакрученные: всё это, однако, мои переживания, и так, не будучи чудесными феноменами, не могут быть изображены иконой (1.13).

VIII. Соответствия:

• сон: мзвен) ~⟶ (2.4)
• нагота: гзвен)
• тотальный театр: К: служба, месса, мистерия.
IX. Спокойной ночи, день; пока, день.
– 1.4 выкуривание ночи (один минеральный род)
~ 1.11 только тематически, поэтической связи нет.

Р[**2.7**]
1. – комментарий к 1.11 «голос из тьмы…» через 2.6 «царство мёртвых…»
2. “малошаговость”; тема пёсьей увертюры; “малошаговый”, то есть вялый, сонный, как тина I’ (Р[кц-4:тб-в)]).
К: И, что элементарно, не красота вне мира, но только Бог в своей сущности.

Р[**2.8**]
Я есть лишь свет… 2.8 ← 2.4, 2.5
4-5: речь
6: буква и слово } ==> Слов моих недогадки, лучистые выродки.
То есть момент увертюры — вплытие гроба в мир (1.3).
{На смерть убиенного Алексия. – несостоявшееся посвящение
{Когда я говорю хвалу кому-то…
i. Посвящение великому композитору Альфреду Шнитке.
ii. Моему дорогому другу Роману Быковскому.

Р[**2.9**]
I.
…через щели между словами… 2.9-2.8 (наивно понятый акмеизм): слова – деревяшки.
р: грязно (см. 1.7-1.10-5.9 грязь рок-н-ролла);
II.
• Штейнер – оккультизм 1.10, 1.11.
• палачи ~ гибель р.г.: 1.3→1.7→1.13→2.9→2.12→3.8→5.10
• словоказнь: рзвен) – 2.9
• “маленьких заводных”… ~ “игрушечность” рода народности: <Малый народец> – Р[2.12]: дидактический материал (бытовые зарисовки).
• см. доклад: …как-то передать эту сложную вещь, поэзию поэзией одолев.
К: превращение “смертию смерть поправ” рода 4.11. се распад…
III.

Слово -/- камень и металл, но
слово – пламя.
“Люди, люди, даже не человек” ~ личностные сознания ~ я – свет от пламени.

• К: слова почти отождествляются со Словом, так и “обращение слова в плоть” (2.10) почти отождествляется с Рождеством; и ещё тут опасная ересь – читается, будто бы от пламени малых слов-свечек (воск 2.1, 2.11) человек – свет. Но если мы забудем о наших конкретных речах, и посмотрим на мёд нашей речи, то светло и радостно решатся наши затруднения.
• словами плавят и пытают – рзвен)
• мир – “верть-движение” (2.7) – персеквенция

Р[**2.10**]
К: фундаментальная задача – поэтическая задача – логистическая задача (кц-1:бп).
К: Утверждается, что единственное, что может сделать в мире человек – быть поэтом.
Это не рекомендация, но просто единственное, что может быть утверждено.
≃мы не можем ничего более сказать содержательного;
замечу, очевидно, что единственное, что может сделать в мире человек, – возлюбить ближнего своего. Тут парафраз.
К: «Слово, суть, и есть бесконечно большой фрактал»: или наша камера отнесена на бесконечность внутрь – смысл в том, что мы не можем выйти из, не может сойти к первой итерации.
К: «…и даже Господь не ведает, что происходит» – вероятно, это утверждение о неведении – прямое следствие невежества автора: очевидно, слово таинственно, по воле Божьей перекатывается само в себя, не насильственно, но любовью.

Р[**2.11**]
I.
Никон, тяжёлый и огромный, стоит на небольшой планете: ёзвен).
II.
К: слово – валик ← 2.10 «…слово как-то перетекает самое в себя».

Тут обнаруживается, что личинка замка – это часть цилиндрового запирающего механизма.

Тут обнаруживается, что в отличии от пластинок, где используется боковая запись (игла колеблется влево-вправо), на восковых валиках использовалась

глубинная запись, то есть игла ходила вверх-вниз 2.6→
→к спице из зубницы 2.6:
╚> городушки-отверстники (“малошаговое” развитие) →
→1.10 ограда поёт о граде.
• Божество, пожирающее человеческие тела ~ Пожиратель зерён: 1.10←Р[к2].

Р[**2.12**]
• «У тебя созерцающий не имеет свойств…»:
1. Понято в своё время не как довольно простая и неинтересная критика “хищного зрения”, а как убийство романтического героя – заявленный сюжет персеквенции.
2. И пусто о пустом: музей – “мир” наивного существования вещей.
3. Противоестественное снижение – гибель профана.
4. «Окуклившись, гусеница…» →2.8 гроб, вплывающий в мир.→ обращается в бабочку (воскресение!); гусеница – это личинка (2.1, 2.3).
5. Никакая действительная часть (ни I, ни II, ни III…) не есть блок цветовых фигур, цвет лишь разливается среди них.
6. Красное брюшко – красный идол (1.12-2.12).
7. Цветовые фигуры – мир без субъекта (4.6). Меня укачивало и тошнило не от них, а от смешения слоев.
• Есть и такая сахарная крошка – ни музыка, ни слово, а дрянь совпадения писков (в общем-то, дидактический материал):
1. Каучуков Лунар не рождался, не стонал.
2. Бросание струсиных яиц может закончиться летально. Нет, не может, потому что страусы не летают.
3. Луна входит во вращение; Луна – смерть.
4. Хабаров – купец из Хабаровска.
5. Лунар: “Ну живут же люди с одной башкой”.
6. Лучиков моему отцу: “Наши слова сегодня в беседе, завтра в сенате”.
7. Личико – это луна.
8. Тем не менее, четверых руководителей мятежных казаков Хабаров "посадил в железа", а остальных велел бить батогами "и от ево, Ярофеевых, побой и мук умирало много".
• «…идола» (нзвен) – тогда, вероятно, всего лишь по поводу хочу сказать о скульптуре:
1. Дикого, отчужденного сознания слова, словно в бочке вина захлебнувшегося: «В природе нет имён».
2. Природа — жизнь звука (жизнь материала), вечная стройка. То есть

природа полна взрывов.
3. Звук и материал над словом, и больше смерти, и не убоятся её, но слово более звука, и скульптура более мрамора – и это победа слова малого, распятого, оскорблённого. (3.3, 4.4, 4.5)
4. Скульптор — инженер слова (из звука строитель): как если бы искались звуки для слова, и из звуков собиралось слово, чтобы означить меркнущий призрак зримого тела (сами звуки бы соотносились с тем, что возможно назвать) – так каждый день и работает скульптор.
5. Тогда пластическая идея есть соотнесение пространственной массы с предметом, то есть рождение изобразительного смысла в массе.
6. Известное различие между скульптурой и живописью (одно удаляет, другое добавляет) есть не техническое отличие: скульптор идет от материала к смерти, а художник спускается от смерти к холсту — живопись дышит музыкой. Эта музыка — звучание спускающегося духа художника. Скульптор, поднимающийся к собственной смерти, тяжело дышит и не поет.
7. То есть готический собор (вспомним, как готический собор был пожаром скульптуры) — песня, и так в определённом смысле замыкается готика и романтика[10] — два краевых явления.
8. Я нарисовал замечательную, очень красивую схему с минералом и петлями, временем и антивременем.

P[**2.13**]
кзвен-*ii*): м3), Ф1, 2.4 (железный сон – рыбы покрыты железным листом) 2.13-2.14 Прибытие.

P[**2.14**]
Прибытие образов (приходящие извне образы и есть слова) рождает время и, суть, есть свидетельство бытия (3.3).

P[**2.15**]
Есть ложные “обожения” человеческой плоти – тогда наступают дикие пляски.
• Свечи 2.15–1.5 Свеча горит о…
• пытают ночь рзвен) ~ 1.4, 1.11 WN: ночь – двойник экклесии P[4.7].

[10] Романтика понимается в апогее – в качестве символического (феноменального) искусства, и, соответственно, под наиболее романтическим искусством разумеется не чистая музыка, а именно песня.

• 2.4→2.5→2.8→2.15:
«…и вся изба залита всераспространяющимся светом, снаружи и из себя»
«…и этот костер — сама в себя кипящая чёрная кровь»:
• сектанты лишали себя тела [1.10 голодные духи] и общались обменом монет 1.11.

P[**2.16**]
1. «…Тогда я в сказал Гребенщикову, что суда идут верховные стражники, и его задержат, и будут судить духи и стражники.
Оказалось, что мы находимся на берегу Бурмистрово, там крутой спуск к берегу от леса; мы поднялись практически по обрыву, оказались в лесу.
Дальше мы опять о чем-то говорили, даже шутили и смеялись по-доброму, не помню, о чем; шли в Академгородок через лес.
А я ему говорю, что в этом лесу водятся демоны, или что-то в этом роде. Мы одновременно повернули голову, и на тропинке появился скелет, полный красного света и огня.
Ужас охватил нас, мы побежали из леса к берегу, бросились с обрыва... Я упал в воду, а Гребенщиков разбился об сушу.
Я проснулся» —
—Тут мы шли по лесу; а духи 2.15 никакого тела, и костяного тела иметь не могут. И, поблёскивая своим остроумием, говорю: “Сознав, что мы существуем в посмертном мире, я оставил один лишь скелет”.
2. Это описание громыхающего мира – огнедышащего сна (2.4), открывающего свою пасть в ясности рода 2.8 («Я есть лишь свет…»), но расслабленными словами тускнеющего сознания (тут и несущественное утверждение о пустоте, и сам фрактал несётся) – рода: «Окромя и давеча, давеча ел я говяжьи окромя».

P[**2.17**]
К: вероятно, и по пустыне слова малые, алчущие следуют за Словом великим.
К: "Знакоплетение" – символ, и тем тут и феномен.
• Песня – наиболее романтический род искусства; то есть романтика говорит о логосах, и этого достаточно: слово малое всегда имеет музыкальную, то есть минеральную часть.
|
- - - - - - - - - - - -||- -

«Дмитрий Мясковский, истрорическая триллер "Чность и античность".

Стольная голова (идёт перед):

Здравствуйте павел за вами выслали три луча в черных костюмах что вы теперь скажите по пути в петушки
Я скажу я ерофееев а не павел а не савл
Я не апостол я эпиграф
Стой! Кто мдет?
———————————Дамаск!!!

———————————Дамаск!!!!
Петр! Петр! Мы петровские!
Войска потешные – наши словечки.

Стой! Кто и бет и альфа и омега?
———Смерть!!!

Смерть? Нет, тя облипиха и ягодв мордожка, русская морожка.

Заплмните хмурыйхмтрыйхитрый тактический прием, когда мы отступаем, мы вперед идем.
Ягода морожка! Русская морожка!!!!

А вы знаете меж2 прочим
Чтт вы лишились башни , светакое светсвеое светское госво???

Конечно! Теперь смерть — дер штернкуб; дискотека – шины нашей родины.

Стой! Время! Рвемя, вперед! Врет! Врет! Время мя мавр знай!
Зной!
Стояла ветхозаветная жара».

- - - - - - - - - - -‖- -

P[**3.1**]

i. «Христос преодолевает модернизм»:

Автору представлялась, что фундаментальное свойство Царства Антихриста – невозможность сказать о нём хоть что-то содержательное и конкретное; в частности, мы можем говорить о тех, кто не принял Весть, но с трудом скажем о тех, кто и не знает о ней.

И, далее, виделся исторический маятник между теми, о коих мы неспособны сказать хоть что-то содержательное, и теми, кто, говоря с последней честностью и ответственностью о всём, что видят, только и делают, что видят только то, что говорят – именно последнее – замкнутая речь, и понималось как “модернизм”[11].

Христос разрешает собою эту обреченность речи и, не имеющий возможности никем быть понятым, предстаёт пред судом пустословия и молчания – его бьют, унижают, а после казнят как преступника.

ii. P[I’]→P[(нзвен)]

Сын Человеческий сходит к телу, полу и человеческому страданию с поезда – обращается к (веществу) телесности как поэт (2.10).

iii. «Хлеб есть “движение движения”, “явление явления”».

Весь мир – движение; тогда “движение движения” не движется, и мир, двигаясь (будучи движением), заполняется сущностью движения – “движением движения”, и именно так всё пространство оказывается заполнено осуществлённым веществом.

iv. “Движение движения” – астрономическое явление P[(ёзвен)].

То есть предмет всякого исторического события – катящийся на нас шар, оказывается подобием распятого тела – “движения движения” – шара, своим вращением заполняющего всё пространство.

v. Муки Христовы – обращение Его тела в “движение движения”:

Сын Божий предаёт своё тело в “движение движения”, и тем осуществляет вещество.

vi. P[5.3]:

[11] Очевидно, что название неудачно, и исторический модернизм в своей полноте – не “модернизм”, а как раз бездна маятника.

Сын Человеческий сходит к телу, полу и человеческому страданию с поезда – обращается к (веществу) телесности как поэт.

«И Христос в своей человеческой воли утверждает свою божественную волю Слова».

Сын Божий предаёт своё тело в “движение движения” (выносит собственное тело за барьер языка, в вещество).

То есть мы можем сказать об истории только то, что она позволяет нам говорить об этике. Так мы находим евангельскую историю исторически абсолютно реальной, ибо меньшего сказать не можем, а наше способность воспринять феномен (будь то “спица из зубницы – корона зубатая” или “движение движения”) – исчерпывающее доказательство.

vii.

И всякое такая двоица вроде:

•Исторический маятник между “модернизмом” и “антимодернизмом”.

•Феноменологический маятник (2.6) между посредственным словом и словом, провалившимся в себя.

– ключ к связи (I’) с прочими действительными частями, то есть разрешение проблемы экранирования (1.13).

viii. 3.1→5.2

P[**3.2**]

i. Влага – смысл (м1). Вино – ускорение воды (к3, ёзвен)

ii. Вода – слово малое, как и все прочие огнепальные слова, а вино – бытие воды и воды тупик славный. И мы видим: ускорение воды – брождение в тупике.

iii. Утверждается, что из антифонизма схоластика и скучный схоластический язык, и мы скажем о схоластическом языке Боэция:

Не прихождение в тупик, а брождение в тупике ("тупое брожение") → P[4.2].

«Затем Боэций переводит Порфирия сам, жертвуя ради точности смысла не только риторическими красотами, но иногда и правилами литературной латыни; он скрупулезно передает чуждую латинском языку структуру греческих словосочетаний, с артиклями и частицами, создавая новый, тяжелый и сухой, “схоластический” латинский язык. При подготовке настоящего издания мы стремились передать тяжесть и сухость языка

оригинала; надеемся, что хотя бы отчасти удалось сохранить и точность смысла»[12].

Р[**3.3**]
• Издаётся звук (1.12→…) – трубы трубят.
• Страшный суд [Предисловие; 1.11 – 2.2 – 2.7]
К: щепа, копья, сучья 1.12 |→ 3.3 копья воинов.
Но копья воинства Божьего – также и копья римских солдат; слово – копье, затем всё происходящее читается и как преображение обыкновенных, малых слов.
Слово – копьё, как проезжают ангелы – плывут дирижабли 2.13 – прибывают слова 2.14.

Р[**3.3-4**]
р<Вверху наблюдаем длительность и линейность, а опустив глаза долу, видим “движение движения” – центр.>р
–2.4 верх-низ.

• При чтении, что значительно поспособствует пониманию: 3.3 Бежать по улице и, смотря вдаль и вверх, услышать зов трубы. 3.4 Сидеть, сгорбившись, и дрожать (внимание обрушивается вниз, в центр).

Р[**3.4**]
«Да, учение именно и есть структура мира, и мир есть лишь как скорлупка для учения – ядрышка» — очень опасное утверждение, лишённое яда только при учении как духовном общении, общности – Церкви (4.7).
Но и так мы, к сожалению, близки к поражению: разве учатся слова, деревья и травы?
И тогда мы говорим, что одно учение – сам Христос, и Его читать могут и пажи, и моржи. То есть Христос – наше рукопожатие природе.

Р[**3.5**]
– 4.10 «И нет ничего благотворнее…»
• Мужи достойные и почтенные и мастера: 1.6–1.7→1.12→3.5.

Р[**3.6**]

[12] Боэций. Утешение Философией // Шесть великих философических трактатов: Утешение Философией. Комментарий к Порфирию. Теологические трактаты / пер. с лат.; отв. ред., сост. Г. Г. Майоров. – 4-е изд., стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2025. – С. 291.

I. «И как церковь на крещатике стоит и вращается, так и нет опоры Паламе Григорию».
К: Колебание вверх-вниз (спица) и вращение ~ вкручивание* и выкручивание (штопор).
II. Рождество. Заметим, порядок (III): 2. Страшный суд ↦ 3. Распятие ↦ 5. Рождество. (~Антивремя)
*: 3.6.I. Восьмёрик на четвёрике/ стоит и вращается.
Молот бьёт по церкви.

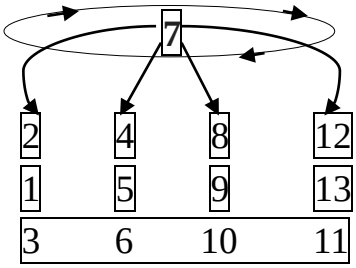
Р[**3.7**]
О поэтическом операторе.
• То есть мир – движение, а Церковь – луковица – “движение движения”, тем вкручивающееся в мир; все вращения (1.3, 2.10, …) и колебания (1.7, 2.6, …) в тексте единородны с ним.
Помня столь многое прочее, мы говорим аккуратно:
Церковь – поэтический оператор, осуществляющий метафоры, то есть разворачивающий их Р[1.6].
• Есть и следующее недостоверное представление, возможно, выдумка: луковичные часы – часы, шелухой измеряющие время; мы судим об эпохе по тому, как слоится луковица – и Царство Божие будет не более чем луковица, которую мы будем держать в руках.
// То есть видится, как луковица катается по столу из одной руки в другую.

Р[**3.8**]
К: эпиклеза бывает восходящая и нисходящая
~ <время и антивремя; 2.4>
• гибель романтического героя:
1.3→1.7→1.13→2.9→2.12→3.8→5.10

Р[**(IV) Ферраро-Флорентийский собор**]

Исторические картины быта на оси земля-небо-сон; слова и инструменты (духовность, вдохновение, бездуховность) – Василевс, Церковь.

• Глубокое листование:



Вертикаль:

▪ **Сон – собор (близко к земле)**

↓↓↓↓

• Духовная жизнь.

• Разложение.

• Земля.

Пути:

Воздушное вращение. Воздушный омут.	Обращение к Богу (молитва) наверх.	Вдохновение (Одухотворение). Тело.	Культ. Благородная, звучная поэзия.
Массовое и бездуховное обращение. Овраг.	Война. Взгляд наверх (от ландскнехтов к Георгию).	Фанатизм. Бездуховная кровная жертва.	–…
Возмездие – история “массы” (омут).	Страх и Ужас – Фобос и Деймос (Марс: взгляд наверх).	Музыка – безумие. <связь открывается через жертвоприношение – духов 1.10-11 и жару; (а-бзвен)>	Стихира – разложение.

• Методологическое замечание:

Возможно воспринять дерево как высокое (близкое к земле) ==(пер. f)==> низкое (земля):

В 2 4 8 12

П ↓ 3, ↓ 6, ↓ 10, ↓ 11, — 7

Н 1 5 9 13

Когда f – земля, очевидно, корректнее именно видеть тройчатку Dom, Im, f.

*см. вертикаль: • ~исток (близко к V) → •• быт вокруг истока/ разложение → •вещество (2.4…)

1-2. НВ; 3. П; 4-5. ВН; 6. П; 7. И; 8-9. ВН; 10-11.П ; 12-13 ВН

4.1-2-3

1) Крещатик – овраг .

2) Колода ветров – воздушный омут (“овраг”).
3) Возмездие: тело рыбы ↻ **: вращение**

P[**4.1**]
[3.6.I] Уже отсюда вращение (вкручивание и выкручивание).
• В Крещатом яре в девятьсот восемьдесят восьмом году князь Владимир крестил киевлян[13]; коллективный мотив: 2.2, 2.6, 4.7, 4.11.

P[**4.2**]
i. “Методология формульного символизма” :
1) Символический текст — ... ветров. Образы "двигаются поверх друг друга" или даже сами слова движутся: воздушная масса. Аллегорический текст — сланец, гранит.
2) Синюсь Х.
ii. К скоростям (технология-I’): “брожение в тупике”, брождение слов [P3.2].
iii. В слове бродящем разрешаются две сомкнувшиеся логистические задачи (к4) – именно так и едим квасной хлеб: слово живое, слава Богу, не теряется по пути – хлеб разворачивается, заполняя собой всё пространство. И как речи наши – Тело, так и я ещё хотя бы что-то могу о чём-то сказать...

P[**4.3**]
I.
i.
Я исповедую, что ценность человеческой речи зависит не от сложности собрания и связки явных суждений или какой-то условной их глубины (условие коей до невозможности сокрыто – остаются только голые стены протестантской церкви), а от возможности другим людям что-либо сказать в ответ на эту речь и сказать что-то об этой речи, что, суть, обыкновенно смыкается.
ii. P[4.7]→
Тогда заметим, что всеобщее время (время страны и истории) проявляется в страстности: опричнина страшна, если ты строишь церковь, или у тебя жена — красавица. А построение абсолютной власти – онемение чувства бытия Божьего – ложное стремление “доказать Его бытие”.
iii.
И тогда я увидел луч, свалившись и обернувшись. Прежде же он слепил

[13] Исторически не совсем достоверно.

меня; оборачиваясь же, я видел лишь одну тьму из-за моей спины. У меня не было сторон, я не мог отойти; я обернулся и увидел историческое прошлое человеческого духа.

iv. *Возмездие.*

Есть два рода художественных потенциалов истории: то, насколько интересно будет ее описание, и то, насколько по её происшествию кто-нибудь её переживший – отпавший от неё, будет отягощён огневой жаждой общения словесного и бессловесного. И я исповедаю, что эти два потенциала тождественно есть один потенциал.

То есть то, насколько интересна история как сюжет, и то, насколько она сподобляет сотворить литературный памятник или любой другой памятник (упрощением будет сказать: "...сподобляет найти сюжет"), есть едино как потенциал.

История есть движение системы художественных потенциалов.

II.

i. Предлагается и такой способ чтения: всю неделю в день читать по части.

ii. Если было бы частей шесть, то мы бы читали так: всю неделю на ночь читали по части.

iii. Если было бы восемь частей, то это было бы богохульство.

iv. Однако, мне тошно от самого факта шести частей. Вообще, читая некоторые места в ней, я чувствую физиологически тошноту.

v. Всё меркнет и затухает оттого, что частей шесть; немногого не хватает, и всё обваливается.

Есть различные предложения по этому поводу прямым образом в тексте: к примеру, автор предлагает отрубить палец в 4.9, кажется, чтобы сосчитать до семи.

В общем-то, этот текст даёт кровным, родовым образом ответы на все вопросы, которые сам и индуцирует – это и есть возмездие.

• Ф1, (кзвен)

• С одной стороны кит (мзвен), с другой 4.3←1.13 «…–цвет рыбьего тела».

Р[**4.4-5-6**]

Взгляд наверх – к далёкому небу.

4) Молитва к Богу. – 2.4. Молитва.

5) Святой Георгий (является, как и Архистратиг) над войсками, и ландскнехты смотрят на него.

6) К: Во сне на небе (сверху) были Фобос и Деймос, а также Архистратиг Михаил (или же Святой Георгий?); я смотрел снизу вверх на представление

небесных тел. 2.4.
5-6: Война (Фобос и Деймос – спутники Марса): 1.2., 2.13, 3.3…

Р[**4.4,5**]
• Малы слова вдохновенны. – 3.3
• О малых словах, но освящённых – от этого и появляется ритмизация фразы.

Р[**4.6**]
I. *Астрономические явления* (ёзвен).
Автору приснился сон, где на небе появились два спутника Марса – Фобос и Деймос, а с ними на трескающемся, разваливающемся небе Архистратиг Михаил.
II. Олеографическая литература (Р[2.12]).
1. Мне представляется, что стена Суда имеет синий или голубой цвет.
2. *Где цвет, там и движение.* Однако, сами цветовые фигуры статичны, скованы и недвижны, как ассирийская скульптура.
3. То есть мир цветовых фигур и есть истощённый, измождённый или же, наоборот, только что сотворённый, дикий мир: кц-1, м5, 2.5, 2.17—3.1, 4.9––4.10…
4. «Разум-столб, прямо стоящий...» – пустая, символическая фраза (Р[4.2]), где слова понимаются посредственно и, следовательно, представляемый ею мир пуст, как формула, а его вращение тупое, пустое, без чьего-либо участия – в качестве художественного предмета это, соответственно, скучная выдумка – груда камней.
5. Малые слова, захваченные вниманием, светятся (1.11) – то есть предметы, сами в себя заходящие, цветны (2.10).
6. Но при воспоминании, во время чтения строки цвета переходят друг в друга, и жёлтый легко представляется оранжевым, оранжевый красным, синий голубым, и один лишь зелёный почти недвижим.
Но, может быть, исключительно из какого-то особенного задора и желания удивить, не могу не составить хрупкую глиняную табличку:

• *Красный, розовый*: 1.12—2.12, 2.7, 2.16, 4.6…
• *Оранжевый***:** 1.5, 2.5, 2.12, 2.17, 4.9—4.10…
• *Жёлтый*: 2.8, 5.1, 5.2—5.3, 5.11…
• *Зелёный***:** Ф1, м2)… —1.10—1.13—2.3—4.3, 3.7—…, Р[1.15]…
• *Синий, белый*: мзвен)…, 3.2—3.3—4.1—4.4—4.7…
• *Фиолетовый*: к2), 4.12, 5.4…

7. Цветовая фигура – слово без движения: мы знаем, что она цветна, но не способны опознать её цвет.
8. Персеквенция имеет несколько входов и закрытые входы вроде цветовых фигур – это решётка печки, полыхающей синим огнём.
9. Проще всего через эту решётку увидеть керувима – и, вглядываясь в голубые языки пламени, я вижу не торжественную процессию (3.3), но духа в складчатых, трепыхающихся одеждах.

P[**4.7**]
• К: Византийский сон.
Собор вращался, и в нём, синем и клетчатом, была процессия византийского императора и собрание.
/То есть всё открывается вращающимся собором; в небесном соборе император и братия. И всё обращается в разложение, в землю.
• С нескольким риском утверждается, что трагическая скорлупка (IV) – нисхождение сна в землю; сон, как солнце, садится за горизонт, уходит в землю (закат 1.8).
К: Сон – это почти земля, и воздух (4.2), как и всё в IV, заключён между сном и землёй; неба тут совсем нет.
К: 1. • Муесли ~ музыка.
• Сон… ←…день прошёл не зря.

Оправдание речи человеческой:
4.7.1 Сон ближе к земле… ——— 2.4 Разговор толщи земли с землёй
⋮ ⋮
2. Собор – общная исповедь. ⋮
|→ 3. Христос больше Церкви, —— рзвен) боль как внутренняя
и тело его томилось*. коммуникация
|
*: «Религия перенаселена»: p<тело Христово – Церковь как собор христиан>p: «Церковь не имеет тела, потому что недостаточно большая»: p<Церковь не может вместить тело Христово – “движение движения”, заполняющее 3.1 всё пространство>:
: Страсти Христовы – боль тела Христова – внутренняя коммуникация Церкви = сообщение, духовный разговор христиан.

КК: Христос больше Церкви ~– Христос больше собственного тела; Церковь не имеет тела, потому что она – Тело Христово.
p<Церковь – бытие, то есть Христос более бытия.

Бытие (бытие – тело; так без отождествлений, как на прообраз обратим внимание на 1.9) может иметь только то, что более бытия.
Муки Христа от того, что Христос более бытия.
Боль тела Христа – моя речь (наши разговоры).>p
≃ Можно и так понять весь этот текст, и это ключ к нему:

Бытие есть только у того, что больше бытия, то есть есть только то, что больше бытия; то, что не имеет бытия, – бытие того, что больше бытия.
Бытие – дар, и бытие – наши речи.
То, что больше бытия, страдает, и его боль – эта речь.

• Человечество Христа представляется в маятнике 3.1, где “Христос больше собственного тела” понимается этически.

P[**4.8-9-10**] трив. Страсть; кровное разрешение (4.3)…
музыка ~?~ жертва [1.10-1.11]: музыка возбуждает к движению, жертвоприношению, и так из гремящей пучины музыки – звезды, ежа дудок, сжатого, говорящего, глазастого тёмно-синего кулака, рождается слово, само в себя заходящее (а-бзвен) – само в себе движимое.

P[**4.8**]
Духовность – одухотворённость быта.
~а,бзвен); 2.7, 2.6 <2.6 построение человека ∧ 4.8 собеседник не построенный, но встреченный>

P[**4.9**]
~взвен; кпр2); жара: 2.4 (огнедышащий сон), 2.5, м7)
<кпр2) замечено, потому что в контексте 8-9-10 палец был “рассмотрен духовно”>
• крестный ход |?→ крестовый поход

P[**4.10**]
жара 4.9; спички 5.6; служба.
м4) головная боль.

P[**4.11-12-13**] трив.

Р[**4.11**]

•…брать**я** – 2.2 – Фройден!

2.6 – коллективный мотив: 4.1, 4.7 – общность.

• 4.11-3.6: смерть и разложение – честь и поклонение[14].

Р[**4.12**]

• прим.: автор ошибочно понимает “порфирородный” как “царственный”, однако “порфиродный” (в отношении детей византийского императора) – рожденный во время правления родителя.

•К: *Солнышко.*

I.

Так желая всё закончить, я практически с самого начала возымел вредную привычку ждать хотя бы дождя, а лучше ливня, так как был совершенно уверен, что именно в такую непогоду мне дастся ритмическая фраза, с которой начнётся и от которой пойдёт великолепная, золотая, торжественная, непрерывная персеквенция.

II.

И вот я очень рано проснулся, и в голове:

«Солнце, огонь сухожилий, запястий клеть, звени, дай воспеть тебя
Солнце, войди в этот огонь сухожилий, запястий клеть, дай воспеть тебя, те
Солнце, войди в этот огонь сухожилий, запястий клеть. Не дай моей боли взять и умереть – не дай мне, Солнце, потерять мою смерть,
Солнце, войди в этот огонь сухожилий, запястий клеть…» и так далее, и далее вся эта глупость и пошлость: я сел писать, и ничего не написал, и вышел на улицу, и на улице была тяжёлая, непроницаемая стена тумана – я замолк, и молчание закатилось в меня.

III.

Кони, запряжённые в солнце, должны пройти по всеми комментарию – налитые золотым жаром слова, топот копыт.

Я сказал “Я солнце”, и эта фраза была солнцем, что медленно добравшись до зенита, перекатилась через себя и рухнула, скатилась в меня, и тем ничем не отличилась от других исторических событий.

Р[**4.13**]

• –1.9. «Меня пожалеет уральский хребет»

• Большое (Арарат) и малое (гнидка) ≈ 1.13 в каком-то гротескном роде.

[14] Честь Тебе и поклонение подобает, Отцу и Сыну и Святому Духу, во веки веков, аминь.

P[**(V’)**]
1. Молчание – тень шума.
2. Вот и все так: берутся чувства рождения нового из старого — метаморфозы, и представляются как чувства умирания — безвременья, и так победу принимаем за поражение.
И берётся самое светлое и лучшее, что должно разрешить все проблемы, и представляется самым скучным образом, так, что сразу начинает выглядеть как провал и несчастье.

P[**5’.4**]
К: Как "Форель" — память, так персеквенция — нейросеть.

P[**5’.7**]
К: Р[к2)].2: то же и модель в математической логике – ничего мы не говорим о мире, но отслеживаем, как скользит наше внимание; и опять феномену этический двойник – скольжение профессионала в поэзию (Р[3.1]).

P[**5’.9**]
i. ...гранённому стакану. ii. ...стакану чая.
То есть я смотрю снизу вверх и как бы из-под воды.

P[**5’.11**]
Кубок – двойник светильника **5.11**.

P[**(V)**]
После всех ужасов прошедших частей остаётся лишь человек, идущий по лесу – в ночном лесу загораются фонари.
На фоне природы остаётся одна проблема – истока, и она уже разрешена.

P[**5.1**]
• Превращения света: 2.4–2.5, 2.8 и т.д.
• *Световые слоны.*
1. Я вчера шел по лесу в кромешной тьме, и страх охватил меня. Тогда я заиграл на варгане, и шел так.
2. Из глубины леса я увидел свет – это горели фонари далеко в том еловом леску, что находится за оранжевыми общежитиями. Я был, видимо, очень далеко, так как я и не понимал, что это за свет, и не очень-то его замечал.
3. Я стал среди деревьев разглядывать слабый и далекий свет, потому что

услышал пение, и, услышав, перестал играть на варгане. И вот я пригляделся, и стал смотреть в сторону фонарей.

4. И увидел: шли два световых слона, и вокруг них были какие-то люди с зонтиками и без, они и пели, и вели этих слонов из света. Мне почему-то кажется, что их было около шести.

5. Я, пораженный, пошел в сторону их, они быстро пропали; я не разобрал, что они пели.

Когда я сильно ближе подошёл к леску из леса (а шел я не по тропинке, я пошел напрямик), и уже даже стал понимать примерно, что это за место, и куда я иду, эта процессия появилась снова справа от меня, но и тогда я не разобрал слов, и они исчезли, пропали.

6. Я, кажется, стоял уже там, где почти начинается подзол леска (если это называется подзол: я про эту коричневую землю в хвое).

7. Вышел без сил я к фонарям, никого не было. Я постоял и подумал, и пошел спать, не получив странным образом почти никакого удовольствия от прогулки.

P[**5.2**]

Цветок жёлт, а хлеб конкретно тут, против 3.1, можно представить как куб.

P[**5.3**]

i. Автор конкретно тут разумеет хлеб ограничено, как то иногда бывает:

Хлеб – дар (подарок | нам) – бытие.

Цветок – дар (подарок | нам и Ему – двойственная эпиклеза) – бытие.

ii.

• Цветок тайно зреет, и мы его тайно зрим, имея ответственность за его созревание – это и есть поэтическая тяжба.

/ Невидимое тайнозреет тайнозрением поэта.

/ Поэзия – тайнозрение цветка.

/ В нас тайно зреет цветок, пока мы его тайнозрим.

/ Действие непреходящее – тайнозрение невидимого.

iii.

“Субстант” – тупик предмета (3.2), “движение движения”.

Хлеб – цель (тупик) злака, но не естественная (злак растёт не к хлебу).

Цветок – цель (тупик, продление) растения – естественный, натуральный тупик.

iv. Персеквенция заканчивается.

“Субстант” наделяет слова осмысленностью; если бы исток был обязан куда-то течь, то хлеб не был бы истоком, ибо никуда не течёт – через исток же, слава Богу, всё течёт.

v. То есть, как двойственно тайнозрение (мы зрим, оно зреет), так и двойственен дар (эпиклеза 3.8) – поэтически развернём это, имея риск развалиться:

1. Изображение истока – элементарный пример действия непреходящего 5.5.
2. И как я ногтём упираюсь в ладонь, так и действие непреходящее, будучи человеческим действием, упирается в тупик собственной конечности — и в этом месте оно встречается с невидимым и длясь (и будучи длимым), имея временную протяжённость в соприкосновении, цепляется за невидимое – тем невидимое, то есть Тело Христово, тайно зреет, а действующий его тайно, осязательно зрит.
3. Так двойственность тайнозрения (дара и благодати) рождается временностью действия – временность (и, вероятно, антивременность) же всякого действия развернута в божественном домостроительстве Словом–Христом, и явлена рождением и страданиями Христа на кресте.
4. И Христос в своей человеческой воле утверждает свою божественную волю Слова – ежемоментно осязает невидимое, как его природы познаваемы неслиянно, неизменно, нераздельно и неразлучно.
5. То, что непреходяще, и есть Церковь – Церковь взращивает сама себя, и это самоделание Тела — жизнь Христа, и есть литургия.

Не иначе как ассоциативной работой растёт цветок и живёт человек... (5’.5)

vi. Каждый предмет истинностно есть цветок (P[4.6]).

P[**5.4**]

1.

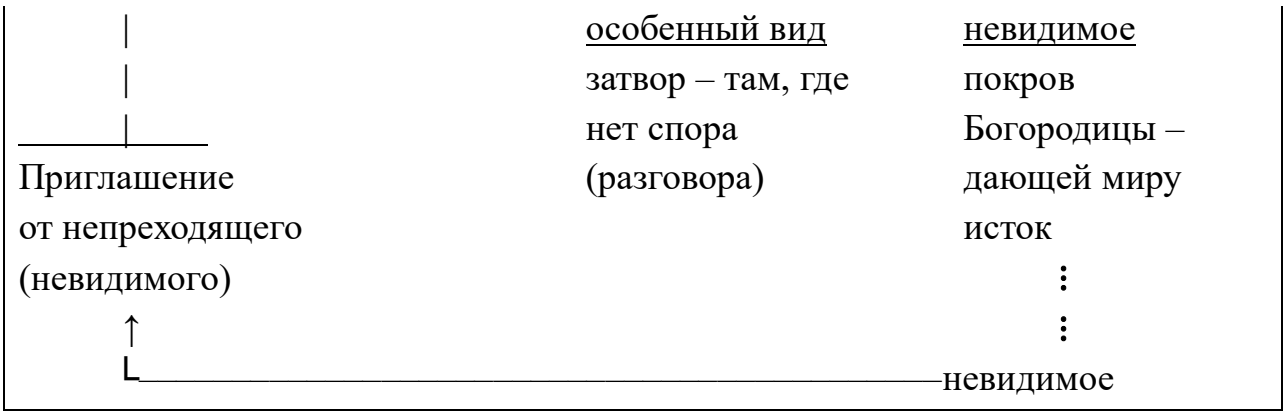
╔ Сохранение невидимого = тайнозрение невидимого ╗
╚ действие непреходящее = (проходящее все препоны) ╝

К: Видимое нельзя сохранить = я произнесу слово уже после того, как увижу видимое.

• К: Действие непреходящее (от невидимого и нас) приглашает к разговору ~~ я могу назвать только то, что ещё не увидел.

2.

Спор	=>	как бы спор	=>	затвор	=>	покров
↑		(преходящий		тут разговор		видимое,
|		спор)		явно принимает		скрывающее



• Мнемоническая формула:

> Так действие непреходящее пригласит нас к разговору, и мы скажем слова, будущими только нашими упражнениями, и эти слова пройдут. И тогда, затворившись, мы замолчим, и наше молчание будет покровом тому, что не пройдёт, и, будучи укрытым, невидимо.

(?): молчание не очень похоже на покров. Попробовать:
(буквально) стены кельи – покров, в сосредоточении нас и кельи – невидимое (неопалимая купина).

• Христос – исток мира, Богоматерь (поэтическая картина 5.5) – дающая миру исток.

• Итак, Богородица простирает омофор (покров), делая непреходящее невидимым. (дарует миру “незримое”)

----------(вторая строка):

• Манихейство 1. фиолетово (P[4.6]) 2. “манихейство” (как бы манихейство) – лобовой синтез субъекта и субстанции [к1) железная дорога по Брюсову]:
[в мир приходит исторически личностное сознание (предисловие; 2.6; 2.9…), но далее всё – феномены этого сознания]

• Максим Исповедник – 4.7

▪ «Максим Исповедник и как бы манихейство, а также покров и спор.»

• М.И. ≃ спор ← приглашение от действия непреходящего
⋮
• как бы манихейство ≃ покров*……невидимое

*: Мани считал, что всякое учение проходит стадии:
скрытое → открытое: [“М.” – чушь, но упражнение; оно покров и этим важно.]

3.

• Объяснение Покрова Пресвятой Богородицы.
~ мы празднуем явление мнемонической цепочки см. выше

• М.Э. ~ М.И. см.↑ исповедник и, аккуратно пользуясь словами, спорник.

• Андрей Боголюбский – след василевса 4.7; Богородица становится

заступницей Владимиро-Суздальской земли.

└> • бесчисленные коннотации вроде: (на сюжет Кузмина)
Снег падает на землю – Богородица укрывает землю (ткёт); земля невидима, и в ней зреет (озимый) плод.

P[**5.5**]

Изображая именно исток, человек обязан совершить поэтическую работу, и тем наделить исток бытиём 2.10 / “сотворить сущность истока” – так сотворение (дар 5.3) истока и его изображение смыкаются, и именно эта тавтология определяет его.

Это не рекомендация, но просто единственное, что может быть утверждено.

/ Def. Исток мира – поэтический предмет, который невозможно изобразить, не совершив поэтическую работу (“не заплатив дань поэтической тяжбы”).

↑↑↑ зам.: • Изображение* истока – дар истока 5.3

• Изображение истока есть род поэтической работы 2.10

• Изображая стол или стул, человек может не совершить поэтической работы – изображая исток, обязан.

*p<замечание о процессуальности (аналогично к 5.4 покрову):
: действие изображения или результат-изображение; утверждается, что различие в понимании неважно для смысла, однако, возможность различия существенна>p

• Прозрачная водная гладь, в кою есть вход (P[к2]) ≃ Поэтическая картина мира ≃ Богоматерь.

• Ни в коем случае нельзя путать исток (то, через что течёт) с источником (то, что источает). Конечно, сам источник всегда неизобразим, и для нас это определяет его.

P[**5.6**]

Середина (V), разделяющая “монастырские” и “лесные” предложения:
1. забор (~1.10) – разделение (забор как бы и покров 5.4);
2. спички – щепа 1.12 (маленькие частицы дерева: 1.13)
(и спички, и забор деревянные)
• служба-кабаре, 4.10: спичка-крест-человек
“списочек избранных спичек”

P[**5.7**]

• Естественное снижение 1.12 острой короны лесного царя.

P[**5.8**]
• Естественное снижение 1.13 симфонической формы.
• Комар и паук-художник, и жук-модернист (I’).

P[**5.9**]
• Разрешение исторической перспективы в ассоциативной материи.
1.7→1.10→7.9 грязь рок-н-ролла.

P[**5.10**]
• хамский наивный акмеизм 2.9 – м1, м3):
• [гибель романтического героя ← смертоносные плоскости ←
↓ ← экранирование (1.13)]
• В два борта (оперу не дописали, и в конце музыка из начала): герой погиб, и произведение – вращающаяся смертоносная плоскость (I’).
К: чужеродный (V – это природа) этот, враждебный фрагмент – видение, однако, (I’)-сознания. Затем его появление – нахальное вторжение грязи звуков, отрыжка уже погибшего змея: не как конец, но возвращение к видению (I’)-сознания, случайное, вторгшееся ассоциацией в конец – мы лишь услышали звук, как гибнет змея, исторгает саму себя.
Так сходятся смертоносные плоскости – экраны, гибель романтического героя (плясочника, не переводчика, но договорника – и мы видим уже за этим достойных, благочестивых мужей – мастеров) и рок-н-ролл – великие радения…

P[**5.11**]
I.
i. Конец персеквенции.
ii. «…Так, представляя Троицу символом, мы не пытаем Бога, но пытаемся усмирить безумие, как наши малые слова, и, что то же, все малые предметы мира сего живут своей жизнью, разомкнутой с жизнью Бога – то есть не из гордыни, но светлой дорогой смирения уподобляемся Христу, оправдывая не саму окружающую действительность, но её природу – в полноте осуществляя её, спасая малым образом и слова, и предметы и то близкое нам существо, что мы зовём человеком».

II.
Светоносный узел – точка, от Троицы рождённая…
Тут нечто странное и, может быть, ложное вижу я: в довременной тьме от

точки появляется точка, как от муравья бы отбежал муравей, и как боль моя проходит и появляется, если ноготь уперев в ладонь, я его убираю.

III.

И как моя ересь, так и ересь – поклонение светильникам.

Всякий предмет – бездна. И взяв в руки камень, провалюсь в его огневые недра и, сказав “камень”, паду в пламенную пучину – чем тогда каждое слово и каждый предмет не преисподняя?

Но жертвой Христовой искуплено каждое слово, и каждый предмет – малый светильник, и тем величайшая радость и, счастливо полагаю я, воскресение.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не сознавая радости, я говорил: «Этот текст распался, был унавожен – он ритуально нечист и смердит», и думал, что текст затемнён и неясен, и говорил, как бы умоляя простить дерзновение – и показывая язык:

«1.

Во многом неясность текста, его затемнённость обеспечена антифонизмом — ложным убеждением, что как в слове разворачивается Слово, так и в тексте развернётся евангельская история (допустим, она разворачивается как остов в каждом тексте, но текст это прячет). То есть конкретный текст — история — мир.

2.

Этот текст погружает во тьму во многом из-за одной ереси: в любом слове проявляется Слово[15]. Это, безусловно, корректно, но непонятно, отчего в отдельном тексте символически должно жить Слово.

Вот эта служба под топот копыт, под дым ружей — этот путанный текст.

3.

И тогда! Во-первых, распятие Христа разворачивается в любом речевом акте. Во-вторых, весь мир – мой текст! В-третьих, вся история – мой текст! Хочешь ускориться – читай мой текст!

4.

Город ощерился львицей, обороняющей львят.

Гумилёв

А в данном случае вода ощерилась винтовками, все дымит.

То есть вся служба уничтожает и стреляет, везде пары и предметы, они стреляют».

——Текст, сам себя толкующий и собою опровергающий эти ереси, оставляет меня без дела – не имея возможности ничего более прояснить, лишь добавлю:

Разговор о конкретном речевом акте не более разговора о конкретной груде листьев – имея возможность созерцать её, не имею возможности о ней самой рассуждать. И говоря про “остов в *каждом* тексте”, я делаю тоже самое, что когда говорю о конкретном речевом акте – рассуждаю о смешавшихся листьях.

Но я исповедую, что возможна служба – поэтическое действие, и дальнейшее – и про дым, и про воду, правда: весь мир, вся история сойдутся в службе. И

[15] Речь о механическом отождествлении.

мы говорим о речах наших, и так возжигаем фимиам, и поднимаем над головой всякий предмет – ложку, стакан или камень, и освящаем себе им путь.

ШЕСТОЙ ТЕКСТ[16]

[16] Тут должно было быть множество текстов, но не имея времени их организовать, автор решил ограничится всего лишь двумя — границей шестого текста.

НЕЗАКОНЧЕННАЯ СТАТЬЯ ПРО ВИТГЕНШТЕЙНА[17]

Технические замечания.

О переводе. Сокращения. Цель.

Тут и далее “Логико-философский трактат” – ЛФТ или Трактат. Работа Фреге “О смысле и значении” – ОСИЗ. Также я сокращаю Витгенштейна и Фреге как В. и Ф.
Я оперирую терминами Трактата и привожу цитаты преимущественно по новому переводу Кирилла Королёва, который нахожу мне наиболее близким (в сравнении с переводами Добросельского, Руднева и Козловой, к которым я ранее обращался). В нескольких местах я привожу несколько переводов для ясности.
Цель данной работы – объяснение сущности логических положений ЛФТ и выявление вытекающих пределов их применимости путём сопоставления фундаментальных понятий систем В. и Ф.
Также периферийной задачей этой работы является прояснение отдельных понятий В., быть может, не так важных для представления его положений – таковые понятия В. часто определяет с некоторой двусмысленностью по весьма прозаическим причинам сжатости своего изложения: разъяснение этих тёмных мест Трактата, очевидно, полезно.

Задачи и методы Ф. и В. Положения интерпретации.

Язык-средство и язык-цель.

Рассматривая положения логических систем Фреге и Витгенштейна, необходимо ясно представлять поставленные их создателями задачи. Предполагаю, непонимание причин практически абсолютного торжества положений Фреге над видением Витгенштейна проистекает во многом именно из-за представления о единой природе всякой логической работы.

Замечу, в рамках данной интерпретации ЛФТ рассматривается именно в первую очередь как работа по логике и философии логики (методологии

[17] Автор, к примеру, ничего не знает про Р[5’.7].

логики): все метафизические, этические и прочие положения Трактата не опускаются, но рассматриваются как следующие из логических и, соответственно, возможные быть оставленными без специального рассмотрения за собственной вторичностью. Подобный подход является не произвольным решением автора, а прямо проистекает из положений самого Витгенштейна: логические законы есть законы мира вообще и, мало того, единственные законы, о которых можно сказать ясно и прямо. «6.3. Изучение логики означает изучение всего, что подвластно её законам. А вне логики всё случайно» – тут, конечно, Витгенштейн не отрицает возможность существования каких-то прочих категорий, но указывает на их произвольность. Всё, что непроизвольно, сводимо к логике.
Я не берусь оценивать уместность подобного положения: мой подход сводим к тому, чтобы читать ЛФТ (и после устанавливать из этого прочтения основные принципы В.) ровно тем способом, какой сам В. называет правильным. Иначе говоря, В. в рамках ЛФТ должен пониматься так, как В. требует понимать себя прямым указанием в самом ЛФТ.

Итак, несмотря на представление ЛФТ именно как логической работы, я указываю на возможность совершенной разнородности логических работ. Фреге пишет в предисловии к “Исчислению понятий”: «Таким образом, это исчисление предназначалось прежде всего для того, чтобы самым надежным способом проверять связи в цепочках умозаключений и выявлять каждое предположение, могущее прокрасться незамеченным с тем, чтобы можно было обнаружить его источник.<…> Поскольку для начала я ограничился выражением тех отношений, которые не зависят от конкретных свойств вещей, я могу использовать также и выражение “язык формул чистого мышления”.
<…>
Аналогично, и мой язык формул является вспомогательным средством, изобретенным для определенных научных целей, и его не следует осуждать за то, что для других он непригоден».
Цель Фреге – создание идеального языка (“языка формул чистого мышления”) как инструмента для математиков, и Фреге не претендует на описание им фундаментального устройства мира. Точнее говоря, чёткая и аккуратная онтология Фреге (а всякая онтология по определению есть описание фундаментальных положений о природе мира) позволяет себе частность, произвольность некоторых положений для удобства практических выводов (будь они этического, методологического или даже эстетического свойства), так онтология оказывается лишь прояснением свойств *метода*.

Фреге полагает устройство мира таким, дабы известные и очевидные ему свойства ясного языка были правомерны.

Правильно сказать даже не “совершенно противоположные”, а “лежащие в совершенно прочей плоскости” задачи себе ставит Витгенштейн. Объект описания ЛФТ – логические законы, являющиеся для Витгенштейна не частными математическими объектами (тут, конечно, надо выразиться аккуратнее: понятие мат. объекта имеет довольно конкретный смысл, не совсем уместный тут), а фундаментальными законами мира в той степени, в какой мы вообще способны те или иные законы описать. Вся методология из этой самоценности вытекает.
Можно сказать, что В. описывает законы языка вообще, устройство языка, что тоже будет верно. Одно главное: цель ЛФТ – описание природы всякого высказывания, а сам ЛФТ и есть в первую очередь такая модель описания. Объяснение причин подобного желания В. выходит за пределы моей компетенции и специфики данной работы, однако ясным является непроизвольность, отсутствие обособленности этого намерения – независимо от его первичности или вторичности оно явно проистекает из проблем предлагаемой Ф. онтологии, что и рассматривается ниже. Создаёт ли свою онтологию В. с целью описания языка как такового или В. описывает язык как таковой, совершенствуя онтологию Ф., незначительно.

Проблема применимости семантического треугольника.

Смысл, значение и знак – базовые категории. Предметы.

Одной из главных заслуг Ф. однозначно является введение им понятия смысла: знак не только обозначает значение, но и выражает смысл высказывания. Значением выражения является предмет, соотнесённый с именем (простым или составным); смысл – способ соотнесённости имени с предметом, то есть само по себе отображение знака в предмет.
Построение искомого Фреге “языка формул чистого мышления” представляется им как создание идеографии, где всякое выражение имеет однозначные смысл и значение.
Предметом предиката Фреге полагает его истинностное значение и, соответственно, смыслом – отображение пропозиционального знака (мыслимого Ф. как составное имя) в истинностное значение пропозиции.

При том, круг подобных высказываний ясно очерчен как множество математических выражений: Ф. не ставит задачу разложения в своей модели всякого высказывания естественного языка. К примеру, высказывание “Купи молоко”, очевидно, обладает смыслом, но столь же очевидным образом лишено истинностного значения, то есть в данном случае (так как приведённое высказывание – составное имя) вообще предмета. Однако, столь явное несоответствие для Ф. по вышеуказанным причинам не является проблемой.
Другим примером ограниченности онтологии Ф. является отсутствие значения у расходящихся бесконечных рядов, что Ф. считает недостатком языка знаков математического анализа. Решение Ф. видит в установлении для них особого значения, к примеру, 0.

И вот эта произвольность В. совершенно не удовлетворяет. Рассматривая язык как таковой, невозможно с сохранением строгости модели специально приписать всякому беспредметному выражению особенное значение: проблема даже не в некотором увеличении сущностей, а в стирании границы между предметными и беспредметными выражениями, то есть в изначальной мнимости всякого предмета.
Конечно, Фреге сознаёт эту проблему, сразу указывая на роль предмета как направления намерения:
«Со стороны идеалистов или скептиков наши рассуждения, вероятно, уже давно встретили такого рода возражение: “Ты говоришь здесь без дальнейших околичностей о Луне как некотором предмете; но откуда ты знаешь, что имя "Луна" вообще имеет значение, откуда ты знаешь, что вообще что-либо имеет значение?” На это я отвечаю: наша задача состоит не в том, чтобы сказать нечто о нашем представлении о Луне; и мы не довольствуемся смыслом, когда говорим "Луна", — мы предполагаем значение. Допускать, что в предложении “Луна меньше Земли” речь идет о чьем-либо представлении о Луне — значит совершенно искажать смысл. Если бы говорящий хотел это выразить, то он применил бы оборот “мое представление о Луне”. Мы, конечно, можем заблуждаться в нашем предположении, и такие ошибки встречаются. Но вопрос о том, не ошибаемся ли мы всегда в этом предположении, может быть оставлен здесь без ответа; достаточно указать на намерение, которое руководило нами во время речи или мышления, чтобы иметь право говорить о значении знака, хотя и с оговоркой: если таковое имеется».

Однако, достаточно обоснованная Ф. правомерность введения значения как категории вовсе не решает вопрос о существовании конкретного предмета выражения и, конечно, некоторого вещественного мира, где все предметы содержаться. Переведение последних вопросов в род избыточных и маловажных в рамках даже именно задач Фреге, то есть построения идеографии, строго невозможно, так как та же идеография подразумевает однозначное соответствие между конкретными значением и знаком – Фреге не может позволить себе говорить о значении исключительно как некотором обобщённом направлении намерения, предмет обязан быть конкретным. Именно поэтому, опять же, Ф. говорит о предметных и беспредметных выражениях, в частности, даже предметных и беспредметных математических выражениях: конкретность предмета подразумевает некоторое множество всех предметов, то есть вещественный мир.
Таким образом, Ф. вынужден говорить о существовании конкретного предмета, но не предлагает способа установления этого конкретного предмета. Однако, это обстоятельство оказывается скрыто за известностью предметов в рамках конкретных математических выражений: именно скрыто, а не решено, так как эта известность не имеет той строгости, построением коей и занят Фреге. Размышления о природе этой известности (интуитивной, договорной и т.д.) в рамках этой работы, верно, не совсем уместны как выходящие за рамки моделей Ф. и В.: очевидна, однако, нестрогость этой известности, что главное – предметы эти существуют не в (и не из) искомой идеографии, а практически случайно, самостоятельно.

Подобное положение дел наталкивает на следующее: для Витгенштейна переход к “языку вообще” от “языка-инструмента” есть ещё и открытие скрытых проблем онтологии Фреге. В масштабах “языка вообще” проблема невозможности определения конкретного предмета выражения приобретает уже вид невозможности определения сущности различия между его наличием или отсутствием. “Проверяя на прочность” модель Ф. в принципиально иных условиях, В. проявляет и её свойства как инструмента для решения задач Ф. – это очень важный аспект ЛФТ.
Так Витгенштейн пытается предложить онтологию, разрешающую данную проблему: во-первых, предмет всякого высказывания должен быть в своей конкретности неслучаен, во-вторых, сущность предмета у каждого высказывания должна быть едина (то есть не должно быть смутного разделения на предметные и беспредметные высказывания). «6.4. Все высказывания значимы одинаково», оно же «6.4. Все предложения равноценны», что нельзя понимать как “все предложения равнозначны” –

всякое высказывание имеет своё значение, но принцип означения (не путать с обозначением: обозначает предмет знак), то есть соотнесённости высказывания со своим значением, един; так нет более ценных или менее ценных высказываний, так как каждое высказывание в соотнесённости со своим значением неслучайно.
Это приводит его к введению понятия позиции, а также определённому представлению объектов и мира, что и рассматривает ниже.

То, что наделено бытием. Соотнесённость наличествующего.

Объект, позиция. Мир, субстанция, действительность. О функции.

У Фреге: «Объект – то, что никогда не может быть полным значением предиката, но может быть значением субъекта». При известной борьбе Фреге с построением логики по примеру грамматики предикат/сказуемое понимается Фреге как функция, а субъект/подлежащие как аргумент, где функция – это постоянная часть выражения, выражающая совокупность отношений (замечу, вовсе не обязательно бинарных), аргумент – знак, обозначающий объект, связанный отношениями. Иначе говоря, объект – это значение простого имени (знака, не сообщающего какие-либо отношения).
В ЛФТ Витгенштейн, наследуя Фреге, использует понятие “объект” в таком же значении. Однако, сами объекты (нем. Gegenstand, оно же вещь) ведут себя принципиально иначе.
Важно, что и у Фреге, и у Витгенштейна объекты являются абстрактными неизменными понятиями в платоновском смысле: чувственно воспринимается знак, значение в любом случае находится в некотором “мире идей”, “мире значений” («2.2027. Объект, неизменяемое и наличествующее – это одно и тоже»). Однако, у Фреге познаваемый мир (то, что и обозначается просто как “мир”) тождественен “миру значений” и является простой совокупностью (как бы “набором”) всех вещей. Как было разобрано ранее, данный подход погружает мир в неясность: будучи совокупностью, но лишённый правила артикуляции, то есть выделения конкретного предмета для того или иного выражения, мир из “набора” обращается во “смесь”. В системе Ф. мы знаем, что такое мир, но про сам мир ничего сказать не способны: мир состоит из вещей, но мы не знаем, как они соотнесены с чувственно воспринимаемыми нами знаками.
Мир (в чём вообще, вероятно, его базовая дефиниция) и у Ф., и у В. есть бытующее, то есть действительно существующее, соответственно,

соотнесённость с миром есть главный и единственный критерий истинности. Всякое заявление о той или иной соотнесённости (тут я не использую понятие высказывания, суждения или факта: они рассматриваются ниже) проверяется наличием её в мире, то есть мир (и только мир) непосредственно обеспечивает возможность высказываний обладать истинностными значениями. Однако, для этого должна существовать возможность эту соотнесённость выделять и проверять её наличие в мире, что, как замечено выше, в системе Фреге отсутствует.

Эта проблема онтологии Фреге оказывается фатальна: “мир-смесь” лишён субстанции, то есть доступного для сопоставления бытия.
«2.021. Объекты суть субстанция мира. Вот почему они не могут быть составными.
2.0211. Если у мира нет субстанции, тогда наличие смысла в высказывании зависит от истинности другого высказывания.
2.0212. В этом случае мы не в состоянии нарисовать картину (образ: см. перевод) мира (истинную или ложную)»
Именно поэтому в модели ЛФТ «1.1. Мир – совокупность фактов, а не объектов»: факты (в сущности, факт и высказывание строго соотнесены) связаны друг с другом, хотя и утверждают существование позиций, представляющих уже связь всё тех же независимых (по Фреге) и неделимых объектов. Витгенштейн соотносит мир и язык («4.001. Язык есть совокупность высказываний») ровно из требования субстанциональности.

Потребовав субстанциональность мира, Витгенштейн описывает механизм её существования – введение В. понятий позиции («2.01. Позиция есть сочетание объектов (вещей)», оно же «2.01. Позиция есть соотнесённость объектов») и факта («2. То, что явлено, – иначе факт – есть наличие позиций») стоит понимать именно как расширение понятия значения (чисто логической категории) у Фреге.
При том понятие позиции, в сущности, наследует понятию функции у Фреге, вообще очень важному для Витгенштейна (наследуют функции, в сущности, понятия позиции, факта, смысла и картины [образа], а также сам Витгенштейн оперирует непосредственно понятием функции, о чём далее): если функция есть соотнесённость знаков, выражающая отношение, то позиция есть сама по себе соотнесённость объектов. Так “мир значений” оказывается артикулирован образованными в нём связями.
Введение этой категории абсолютно последовательно: для существования в мире логических законов предметный мир должен быть артикулирован, но

сами предметы просты и независимы – следовательно, мы неизбежно должны ввести новую категорию существующего, а именно позиции (положения дел). Позиции (положения дел) столь же действительны, сколько и сами объекты. [действительность у В. есть подмножество мира, то есть некоторая произвольная совокупность (представленных) позиций]

Бытие соотнесённости. Сущность наличествующего и соотнесённости наличествующего.

Факт. Форма. Пространство. Свойства объектов.

Объект, будучи наделен бытием и положенный в субстанцию мира, в своей простоте сам же и есть утверждение собственного существования, насколько корректно может быть подобное выражение. Объект не может наличествовать или не наличествовать – так бессмыслен вопрос о наличии всякого абстрактного понятия, к примеру, прямоугольных треугольников.
Позиция как соотнесённость объектов столь же действительна, однако самоутверждения собственного существования лишена: заметим, не все объекты обязаны быть друг с другом соотнесены, то есть позиция может существовать или не существовать. С определённой перспективы, мы требуем от объектов постоянства и простоты ровно в той степени, в какой нам нужно постоянное и простое для составления изменяемого отношения («2.0271. Объекты – то, что не подвержено изменению и наделено бытием; зато их конфигурация изменчива и неустойчива»).
Однако, существование или не-существование позиций, опять же, настолько же действительно, насколько действительны объекты и сами позиции. Именно так В. вводит факт, то есть наличие позиции; факт есть неизбежное понятие для описания того устройства “мира значений”, что позволяет существовать логическим законам. Все вводимые В. категории неизбежны для реанимации онтологии Фреге (тут я, возможно, повторяюсь, однако я нахожу это положение предельно важным). Объединив положение В. о субстанциональности мира и данный им механизм её осуществления, получаем: *мир есть совокупность существований соотнесённости объектов*.

Возможность объектов вступать в позиции требует, как минимум, существования различных и конкретных объектов (что, впрочем, первично и с чего и начинается построение логической системы ЛФТ). Соответственно, сущность их различия при существовании в “мире значений” лишь категорий

объекта, позиции и факта заключается либо в некоторых особых отношениях с позициями, либо с фактами – все факты, однако, частны и неповторимы в своей сущности, затем особенность объекта (его форма) может заключаться исключительно в особенности его взаимодействия с позициями, иначе говоря, в возможности так или иначе быть в тех или иных позициях. Именно так форма объекта (цветность, пространство, время) есть возможность быть положенным среди прочих объектов определённым способом, то есть возможность быть соотнесённым определённым способом.
«2.0232. В известном отношении объекты бесцветны» – ровно также, как объекты неспособны существовать или не существовать, они сами по себе лишены свойств; их свойства проявляются в их возможности вступать в позиции, то есть в пространстве возможных позиций.
Позиция цветового пространства (тут цветовое пространство – пространство цветовых позиций) есть “место для цвета”, то есть возможность быть положенным среди цветов (цветовых пятен), то есть иметь цветовую соотнесённость. В произвольном виде, позиция пространства возможных позиций есть “место для принятия позиции”, то есть возможность быть соотнесённым среди прочих позиций, то есть прочих соотнесённостей объектов. Опять же, так позиция пространства уподобляется функции, что Витгенштейн не совсем явно и утверждает на примере: «2.0131. Пространственный объект должен находиться в бесконечном пространстве (Точка пространства – аргументное место)…».

Обозначение.

Картина (образ) фактов. Элемент картины фактов – простое имя.

Прояснив сущность “мира значений”, Витгенштейн обращается к знаку. Важно заметить, что ни у Фреге, ни у Витгенштейна нет отдельного понятия “мира знаков” или его подобия, так как знак условен и нет никакого смысла вводить множество всех знаков: знак есть то, что было принято изображающим («3.32. Знак есть то, что может быть воспринято в символе»). Как было уже сказано, объекты обозначаются элементарными знаками, то есть именами – это общее положение Ф. и В. Однако, принципиально иначе выглядит у Витгенштейна обозначение высказывания: у Фреге пропозициональный знак (знак, обозначающий высказывание) есть составное имя, то есть опять некоторая совокупность-смесь имён. Понятно, что подобное положение столь же болезненно, что и его аналог в “мире значений”.

Для Витгенштейна очень важно, что позиция как соотнесённость объектов не может быть названа именем, не может быть упрощена: это закономерно, так как по определению (как ранее из необходимости было введено понятие позиции) обозначаемое именем есть объект, а объект прост. Соответственно, позиция как соотнесенность может быть передана только подобной ей соотнесённостью элементов – так соотнесённость не называется, а проявляется (указывается). Подобную соотнесённость некоторых произвольных элементов (на этом этапе нас не очень волнует природа этих элементов, мы определяем сам акт передачи) как модель действительности В. называет картиной (или образом) фактов: «2.12. Картина фактов есть модель действительности. <…> 2.14. Картина (образ) фактов состоит из элементов, находящихся в определённых отношениях друг с другом».
Тогда пропозициональный знак как обозначение значения в лице наличия позиций должен передавать соотнесённость объектов и, соответственно, сам обладать соотнесённостью. Из чего Витгенштейн и пишет: «3.14.Пропозициональный знак состоит из элементов (слов), которые находятся в определённом отношении друг с другом».
Это и есть главное положение ЛФТ о пропозициональном знаке.
<Примечание: попытка обозначить соотнесённость знаков задолго до появления ЛФТ привела Фреге к понятию “понятия” («Понятие – это значение предиката»).>

Способ обозначения наличествующего.

Смысл. Мысль.

Вероятно, самый радикальный ход Витгенштейна есть приравнивание пропозиционального знака к факту: «3.143. Пропозициональный знак является фактом, но это скрывается обычной формой выражения, письменной или печатной». Однако, этот вывод достаточно последователен, если принять во внимание рассмотренное выше главное положение о пропозициональном знаке.
Пропозициональный знак является картиной фактов (опять же: «2.141. Картина есть факт»), то есть соединением элементов в некоторой их соотнесённости.
<…далее в черновом виде:>
Пропозициональный знак приравнен к факту, знак-имя к объекту. Всякая форма выражения оказывается не более чем представлением.
В сущности, пропозициональный знак и позиция оказываются как бы

“зеркальными отражениями”: пропозиция устремлена к отображению, но устремление её приходит в собственную соотнесённость. Иначе говоря, во всякой соотнесённости объектов (будь то вещи, будь то знаки) оказывается скрыто устремление, при том что начала и конец стрелки-устремления как бы аналогичны.
Разница между знаком и материальной вещью заключается исключительно в относительном и зыбком представлении.
Знак как бы не обозначает, а наделён бытием. Знак есть.
Знак и объект “равноправны” в той степени, в какой мы не можем установить их различие. Знак – представление объекта, но знак не исчерпывает объект. Объект не может быть обращён в знак, а знак в вещь: знак и объект имеют различные “роли” в той степени, в какой они нужны для высказывания.
(из 3.22.)
<о разнице между смыслом и мыслью>
<тогда разбор реабилитации семантического треугольника Витгенштейном будет завершён>
<ещё уместен подробный разбор природы представления у Фреге и Витгенштейна>
<желательно замечание о синтаксисе>

Приложения.

Приложение-1. Доказательство, что операция N(E) образует полный логический базис. – однако, см. *Selivanova, S.*
Über die Vollständigkeitslücke der Operation N(E).
Приложение-2. О перформативности ЛФТ.
Приложение-3. Замечание относительно природы модернизма Витгенштейна как преодоления частного. О поэтическом Витгенштейна.

Литература.

1.*Витгенштейн Людвиг*. Логико-философский трактат // Перевод с немецкого, латинского и английского Кирилла Королёва - М.: Азбука, Москва, 2024 - 476 с.
2. *Фреге Готтлоб.* Логика и логическая сем антика: Сборник трудов /Пер . с нем. Б. В. Бирюкова под ред. 3. А. Кузичевой: Учебное пособие для студентов вузов. — М .: Аспект Пресс, 2000. — 512 с.

18 апреля 2024 г.

О РАКОВИНЕ И ТРОИЦЕ

Однажды, Августин, размышляя от Троице, встретил ребёнка, пытавшегося при помощи небольшой раковины перелить всю морскую воду в выкопанную им ямку. Попытавшись объяснить невозможность этого, святой получил ответ на чистой латыни:
—Augustine, Augustine, quid quaeris? Putasne brevi immettere vasculo mare totum?[18]
После чего ребёнок исчез.

Мы уже заведомо знаем, созерцая чудеса Божьи, что Божество славно и велико, и само с собою в любви соотнесено, и самоочевидно в собственном бытии и, что одно, бытии для нас, и тем таинственно – тогда, если в нашей частной “модели Божества” мы “не сломали славу Божества”, то это есть свидетельство всемилостивости Бога, а не слава нашей модели. Так, помня всё это, применим семантическую модель Фреге к Троице – не из желания испытать Божество, но в радостном поиске:

«Отец есть “предмет” (“Bedeutung”) как невидимый источник, Сын есть “знак” (“Zeichen”) двояко: им как Словом всё сотворено, и Он как Слово образ Бога невидимого (Кол 1:15), а Дух – “смысл” (“Sinn”) тоже двояко: Он как “связь” между Отцом и Сыном – любовь обоюдная Отца и Сына, и Он же для нас, с нашей человеческой стороны, божественная сущность – любовь (1 Ин 4:16)».
Однако, если бы мы, пользуя семантический треугольник, говорили не про Бога, но про малые предметы, то мы бы увидели, что мир так лишается субстанциональности, и слово становится камнем, брошенным в бездну, ибо не имеем способа понять, что за предмет означает конкретный знак, то есть имеем проблему смеси (и это опытно показал Витгенштейн) – мир не артикулирован, и треугольник схлопывается в слово, само в себя заходящее.

Если же мы говорим про Бога, то мы, зря Троицу во славе – и Отца, и Духа, и Богочеловека Христа, не видим смеси, ибо Бог един и, соответственно, единозначен, и треугольнику некуда распадаться – и тогда, ибо мы говорим словами малыми, всё чувствуем, но не поймём одного: как сочетается мир малых слов, где мы не имеем способа соотнести слово малое и предмет малый, и Божество, само в себе соотнесённое.

---

[18] Августин, Августин, что ты пытаешься сделать? Неужели ты веришь, что сможешь перелить всё море в маленький кувшин?

И затем мы говорим про Бога, дабы иметь возможность хотя бы что-то сказать – так мы не можем ограничиться треугольником, ибо треугольник негоден для малых слов, и так ищем модель, где живут в единой радости Слово великое и слова малые.

Я шёл по улице и увидел следующую картину, которую в силу некоторой нечеткости пересказываю с небольшим отстранением: «Если скажем, как бы позволив себе прежде, римским, орлиным[19] взглядом “сверху” оглянуть описанный треугольник Фреге: «Отец любит Сына, так и Сын любит Отца, и Дух исходит от обоих», то тогда, вероятно, получим и то, что знак и объект “равноправны” в той степени, в какой мы не можем установить их различие: знак есть равный объекту, но знак не исчерпывает объект, и объект не может быть обращён в знак, а знак в вещь. То есть знак и объект имеют различные “роли” в той степени, в какой они нужны для высказывания, и мы говорим, что Дух исходит и от Сына, смотря его глазами и встречаясь с ним, и Христос – Отец по эту сторону временности, и каждый из нас – Христос истинностно, но не ложно.

Убегая же от тавтологии, как от пожара – гибнет Западная Римская империя, и нам об этом нечего сказать, мы говорим, измождённые: как есть наше искуплённое время говорения, так есть и антивремя, в котором длится любовь Отца к Сыну: времена направлены, и мы говорим не по сторону, но на кресте времени и антивремени. Упрощением будет сказать, что мы глядим на слова малые обратной перспективой – со стороны Бога, и пытаемся говорить, смотря на Бога со стороны Бога, но нечто подобное действительно происходит: уничтожена Византия, и мы, выброшенные в грязь мира, едем в прекрасную, солнечную Флоренцию».

Тогда мной скромно предлагается следующая возможная модель не как разрешающая и не как откровенная, но как только успокаивающая сердце автора:

1. Итак, бытие мира есть возможность осмысленности, сущность мира есть возможность значить (иметь логическую форму), а субстанция мира есть возможность существовать (быть как-то конкретно – иметь фактическую форму) – эта новая оптика.
2. И посмотрев на мир, то есть посмотрев на собственный речевой акт, мы мистически воспримем возможность и так, собственно говоря, и увидим божественное домостроительство в той степени, в какой оно может по Божьему замыслу открыться нам:

[19] Судя по всему, из Кушнера.

Пусть я имею смелость и ответственность сказать, что что-то, на что я показываю, наделено смыслом – пусть что-то наделено смыслом. Тогда оно имеет возможность осмысленности и, соответственно, мир наделён бытием – в этом слава Христа! Но тогда оно имеет возможность значить – в этом слава Духа! И, наконец, если оно что-то значит, то субстанция мира имеет возможность быть как-то конкретно (то есть, суть, быть сотворённой) – в том слава Отца!

3. И, спустившись в ворох философских листьев – слов, опавших с скрипучих, могучих, качающихся лесов, можем и это сказать, особенно, чрезвычайно не доверяя этим понятиям и даже, наверное, в них не вчитываясь, а лишь пошуршав для важности:

То есть мир, божественной милостью имея Источник, Исток и Ток, наделён субстанцией и актуальностью (или действительностью), бытием и субстанциональностью (или существенностью, или данностью), сущностью и фактуальностью (или феноменальностью, или событийностью, или историчностью) и всё, что в нём есть, существует так, что мы можем об этом чудесно сказать.

Так, представляя Троицу символом, мы не пытаем Бога, но пытаемся усмирить безумие, как наши малые слова, и, что то же, все малые предметы мира сего живут своей жизнью, разомкнутой с жизнью Бога – то есть не из гордыни, но светлой дорогой смирения уподобляемся Христу, оправдывая не саму окружающую действительность, но её природу – в полноте осуществляя её, спасая малым образом и слова, и предметы и то близкое нам существо, что мы зовём человеком.

21 декабря 2025 г.